

В основе метафизики тотальности лежат перинципы: 1. *онтико-онтологической дуальности* бытия – позволяет понять механизм сочетания многообразия и единства форм бытия;

2. *причинно-кондициональной самодетерминации* – раскрывает механизм саморазвертывания процесса тоталогенеза;

3. *диверсизации* – позволил установить единство полионтизма и полионтологизма бытия, голографический характер бытия, благодаря которому каждая вещь несет информацию обо всем бытии;

4. *сизигийности* – позволил понять, почему единый мир бытия многообразен и меняется в каждый момент одним, а не другим образом. На основе данных принципов создано учение о бытии как о тотальности в форме целостного комплекса соответствующих аксиом и следствий из них.

В.В.Кизима

ОНТИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ДУАЛЬНОСТЬ БЫТИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается принцип онтико-онтологической дуальности применительно к человеку. обосновывается единство пребывания человека в бытии, и бытия в человеке. Рассматриваются некоторые аномальные возможности человеку и онтологические влияния бытия на человека.

Ключевые слова: *бытие, онтика, онтология, ландшафтность бытия, тотальность, антропный принцип, сизигия, информационно-энергетическая картина мира*

У статті розглядається принцип онтико-онтологічної дуальності стосовно людини, обґрунтовується єдність перебування людини в бутті і буття в людині. Розглядаються деякі аномальні можливості людини і онтологічні впливи буття на людину.

Ключові слова: буття, онтик, онтологія, ландшафтність буття, тотальність, антропний принцип, сизигія, інформаційно-енергетична картина світу.

Ontic and ontological duality of being and its implications for a human

The article deals with the principle of ontik and ontological duality of metaphysics applied to the totality of the person. The conclusion states that not only a human exists in being (man-sized to being), but also being dwells in a human (a human is a creature man-universe.). On this basis, the author for the first time explains some abnormal human capabilities (phenomena of release from a body during surgery or childbirth) and features a number of fields, realizing the ontological influence on human life.

Key-words: *being, ontik, ontology, landscape of being, the totality, the anthropic principle, syzygy, objectivation, desobjectivation, information-energetic view point.*

Введение

Данная статья посвящена рассмотрению двойственной, *онтико-онтологической* природы человека, состоящей в том, что он одновременно *онтичен* – локален, конкретен и неповторим, находится во внешних причинных отношениях с другими онтическими формами, и *онтологичен* – неявно представляет бытие, скрыто присутствующее в нем в качестве его субстанциального полионтологического строения. В отличие от внешнего причинного характера онтических связей, онтологические влияния осуществляются в виде скрытых информационно-энергетических полей, действующих на онтические формы неявно, изнутри подобно тому, как гравитационное поле влияет на планеты, звезды и существует между любыми физически объектами, или социальные поля влияют на человека, который далеко не всегда это осознает.

Как полионтологическое существо человек неявно несет в себе историю не только своего биологического зарождения и внутриутробного развития, рождения и своей индивидуальной жизни, а и историю всего социума, без развития которого современный человек бы не появился. Более того, речь должна идти не только о сложившейся 2 млн. лет назад на Земле ситуации появления в Африке нескольких первых видов людей (эректусов и неандертальцев), а и о предшествующих этому более масштабных, космических процессах, приведших к образованию нашей солнечной системы, ее пла-

нет и нашей в том числе, а также о происшедших на ней сложных процессах, породивших растительный и животный мир и самого человека как онтического существа. Все эти этапы неявно отражены в его строении в форме онтологических наслоений соответствующих средовых условий его бытия. В результате *не только человек присутствует в бытии, а и все породившее его бытие присутствует в нем в виде неявных субординированных и структурированных онтико-онтологических отношений и соответствующих им онтических причинных и онтологических полевых взаимодействий*. Иначе говоря, человек *существует двойственным образом*: явно, онтически – в своем внешнем *причинно-следственном* взаимодействии с другими людьми и прочими объектами, и неявно, *(поли)онтологически* – скрыто *соотносясь со всем бытием и его глубинами* через соответствующие им онтологические поля.

Подобная онтико-онтологическая дуальность присуща не только человеку, а и всем формам бытия, что не мешает им обладать относительной онтической свободой в пространствах и структурах отдельных онтологий, – тех, на основе которых они непосредственно возникли и в пространствах которых существуют. В целом бытие, объединяющее все наличные онтические формы с помощью разного рода онтологических полей и причинных отношений, существует как развертывающееся в себе, но сохраняющее себя единство бытийного многообразия – *тотальность*. В этой бытийной тотальности каждая форма бытия может проявлять разные онтические и онтологические свойства. Но в каждой конкретной ситуации онтика формы является таковой только по отношению к вполне определенной онтологии и *любая форма бытия имеет свой двойственный онтико-онтологический характер*.

Человек как член семьи проявляет себя явно в семье, как инженер – на соответствующем производстве, как биологическое существо – на приеме у врача и т.д. При этом его явное и конкретное *онтическое* состояние в одной ситуации может быть неявным, *онтологическим* в других случаях. Проявляясь в конкретном онтическом плане как зритель театрального спектакля, человек, в это же

время, может быть неявным участником множества других онтологий – производственных отношений по месту своей работы, обладать статусом жителя города, в котором живет, членом общества защиты прав потребителей и др. Подобные неявные онтологии характеризуют уже не актуальное онтическое состояние человека, а присутствуют в нем скрытым образом как разнообразные *онтологические возможности* его жизни, задают пространство его потенциальной свободы.

При этом есть внешние, социальные онтологии и возможности человека, которые определяют его социальное существование, и более глубокие, заложенные в нем возможности, обусловленные в нем скрытыми биологическими, химическими, физическими и космически уровнями его бытия. Последние лишь изредка проявляются внешним образом в качестве тех или иных свойств человека, которые в этом случае мы иногда воспринимаем как аномальные. Они указывают на человека, как на участника не только явных, а и глубинных онтологий бытия, без которых человек бы не состоял как таковой. Все они не только присутствуют в нем, а и действуют своими разнотипными полями на разных онтико-онтологических уровнях и в особых ситуациях и время от времени проявляются даже во внешнем поведении человека. Например, в виде аномальных способностей человека, подобных тем, которые демонстрировала Ванга, или в случаях запоминания некоторыми людьми огромных по объему книжных текстов. В этом случае после пролистывания таким человеком нескольких сотен страниц он с легкостью запоминал всю информацию на них и воспроизводил с абсолютной точностью текст любой из указанных независимыми наблюдателями страницы. В подобных случаях наглядно проявляется феномен онтико-онтологической дуальности не только бытия, а и *человеческого сознания*, в котором онтология книги органически связывается с онтикой ее текста.

Онтико-онтологическая дуальность есть свойство всего бытия, включая человека. Меняя ту или иную онтику своего положения, человек одновременно меняет и онтологии, проявленными которых эти

онтики являются. Он не может быть только онтическим или только онтологическим существом. Равно как и не может рассчитывать на успех, если совершает свои онтические действия в пространстве неадекватной им онтологии, например, ведет себя на работе по аналогии с тем как ведет себя в семейной обстановке.

Для преодоления подобных онтико-онтологических неадекватностей необходимо исходить из *принципа онтико-онтологического соответствия*. Он отражает универсальный закон бытия, означающий, что попытки реализовать любую конкретную (онтическую) цель при неадекватном выборе онтологического пространства ее достижения обречены на неудачу. В ходе любой деятельности часто требуется затратить значительные усилия, но в любом случае они будут оправданы только в том случае, когда будут соответствовать оптимальному онтико-онтологическому характеру этой деятельности. В противном случае не обходимо перестраивать характер своей онтико-онтологической дуальности на новых основаниях.

В этом случае может помочь учет еще одного важного обстоятельства – того, что бытие представляет собой сложную иерархизированную картину онтико-онтологических отношений, которую можно характеризовать как *онтико-онтологическую ландшафтность бытия*. Учет ландшафтности ситуации, в которой пребывает человек в данный момент, – условие оптимизации действий человека в текущих условиях и понимания им разных новых возможностей, связанных с переходом им в другие ближайшие ландшафтные условия. Но в любом случае ему следует учитывать, что меняя свое положение в онтико-онтологической ландшафтности, он всегда остается двойственным в онтико-онтологическом отношении, хотя характер этой двойственности может меняться как в самом бытии, так и в результате смены позиций в ландшафтности самого человека.

Онтико-онтологическая ландшафтность и ее трансформации присутствуют в любых формах бытия. В целом можно отметить, что понятия *онтико-онтологической ландшафтности* и *ландшафтных трансформаций* – более содержательны и важны для характеристики бытия и жизни человека, чем традиционные понятия про-

странства, времени или движения. Философски понимаемая ландшафтность – это всеобщая форма и способ бытия как *упорядоченная но, в общем случае, меняющаяся система его полионтологических и полионтологических отношений*. Для ее более детальных характеристик можно использовать получившие в XX в. широкое распространение относительно новые понятия – гетерогенность, системность, структурность, перспектива, диверсизация (способность порождать субландшафтные формы) и др. Что касается привычного географического понятия ландшафтности, то его следует рассматривать как частный случай ландшафтности бытия.

Важнейшая роль ландшафтности состоит также в том, что она своим строением несет информацию *об истории и особенностях формирования и организации бытия*, а это важно для понимания характера *формирующихся под ее влиянием и в ее пределах новых бытийных форм* – процессов, которые внешне предстают как явления «самоорганизации». Таким был, в частности, процесс формирования человека в ходе антропогенеза, когда влияние человека на среду, вызывавшее изменения данной среды, рефлексивно сказывалось на самом человеке и заставляло человека развиваться вместе со средой в форме саморазвертывающейся природно-антропологической ситуации. При этом, поскольку развитие человека предполагало наличие не любых, а вполне определенных в своей сложности ландшафтных онтико-онтологических иерархий бытия, появление человека означало не только редкую удачу для него и не только объясняет сам характер и сложность его телесного строения, а и позволяет сегодня на этой основе *моделировать развитие онтико-онтологических трансформаций самого бытия*. Например, в форме породивших Землю космологических процессов. Подтверждением такой возможности стало появление в XX веке *антропного принципа* Зельманова-Картера²⁷.

²⁷ Зельманов А. Л. Некоторые философские аспекты современной космологии и смежных областей физики // Диалектика и современное естествознание, М., 1970, с. 395—400. Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии. // Космология: теория и наблюдения. – М., 1978. – с.369-380.

Согласно А.Л.Зельманову «...мы являемся свидетелями процессов определенного типа потому, что процессы иного типа протекают без свидетелей». Б.Картер: «мы видим Вселенную такой, потому что только в такой Вселенной мог возникнуть наблюдатель, человек». Этим фактически утверждается, что *в сложной архитектонике строения тела и психики человека представлена породившая его Вселенная и ее история*. С этой точки зрения организация тела и жизнь человека поддерживается в существующем виде благодаря не только питанию, благоприятным социальным и психологическим условиям и прочим внешним обстоятельствам, а и в связи с наличием в среде не любых, а вполне определенных скрытых ландшафтных условий – иерархии неявных энергетических и информационных влияний глубинных космологических онтологий бытия на тело человека, имевших место со стороны ландшафта той вселенской среды, в которой человек сформировался. Важно, что и сегодня его телесная жизнь зависит не только от очевидных земных условий и условий солнечной системы, а и от информационно-энергетических полевых влияний, оказываемых на землю космической средой Вселенной и всего бытия. Радикальные катастрофические процессы во Вселенной, если они произойдут, сделают и наше земное существование невозможным. Именно присутствующее на земле и определенным образом структурированное онтико-онтологическое *бытийное ландшафтное поле* вместе с местными условиями нашей планеты, позволили появиться на земле биологической жизни и самому человеку и сегодня присутствуют на ней.

Человек, явным образом черпая из Земли необходимые материальные ресурсы, скрыто, неявно, онтологически поддерживается также ландшафтными влияниями полевых онтологий бытия, начиная с масштабов солнечной системы и кончая простирающимися за ее пределы галактическими и межгалактическими пространствами. Общая ситуация такова, что человек пребывает в бытии *онтически*, а бытие скрыто пребывает в нем *ландшафтно- онтологически*. И обе эти стороны одинаково важны для человека, поскольку связаны с его сущностью. Человек интуитивно это ощущал всегда. Как об-

разно заметил Ф.Ницше: «если всматриваешься в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя». Принцип онтико-онтологической дuality бытия является важнейшим принципом метафизики потому, что он придает *одинаково важное значение не только очевидной в своем причинном проявлении онтике, а и неявной в своих полевых влияниях онтологии.*

В истории общества и эволюции мировоззрений онтико-онтологическая двойственность часто редуцировалась либо к онтике, либо к онтологии, но это всегда приводило к последующему отходу от этих крайностей. Если в онтических картинах все было более или менее очевидно из-за причинного характера взаимодействий разных форм бытия, то онтологические построения, из-за не-причинного и неявного характера их сущности, почти неизбежно сводились к религиозным и разного рода мистическим и эзотерическим представлениям и учениям. Но важнейшим историческим подтверждением того, что онтология существует не сама по себе, а всегда в единстве с онтикой, стали драматические события средневековья, обусловившие нарастание противоречий в схоластике, всплеск мистики и неуклонное разделение философии и теологии, несмотря на то, что на этот процесс пошло несколько столетий революционных по своему значению эпох Возрождения, Реформации и Просвещения и перехода человечества от феодальной формации к буржуазному строю, и от религии к науке. В результате на ведущие позиции вышла онтика, принцип причинности и законы науки. С другой стороны, наметилось устранение онтико-онтологического разрыва благодаря открытию разного рода полей, начиная с гравитационного, затем электрического, магнитного, ядерных сил и других, которые можно интерпретировать в качестве реальных онтологий бытия.

Сегодня установлено, что каждый реальный объект связан с множеством полей, комплекс которых можно считать его онтологией, поэтому онтико-онтологическое единство бытия можно считать доказанным на практике. Но этим проблема бытия не исчерпывается. На первое место выходит другой вопрос качественно

иноного характера. Возникает необходимость разобраться в том, каким образом в ходе нарастания онтических форм бытия оно, тем не менее, не распадается на независимые фрагменты, а сохраняется в единстве? *Почему исторически нарастающее многообразие бытийных форм не утрачивает своего единства, бытие сохраняется, несмотря на временный характер этих форм?* Почему одни формы существуют длительное время, а другие быстро распадаются? Что кроется за этим бытийным отбором и что в дальнейшем ожидает бытие?

Ответ на эти вопросы дает метафизика тотальности. Все дело в атрибутивно присущем бытию механизме *самогармонизации* бытия, получившем в метафизике тотальности название *сизигии* (от др.-греч. σύζυγος, «сопряжение, соединение»). Благодаря сизигии, чем на более глубокие ландшафтные уровни бытия «опускаются» бытийные события, тем более устойчивым является уровень бытия и более субстанциален. Данный механизм носит естественный и, как бы, «запрограммированный на вечность» характер, он связан с тем, что в ходе стихийного формирования новых форм бытия среди них, кроме малоустойчивых образований, разрушающихся потому, что требуют значительных энергий и прочих условий для своего существования, всегда формируются и такие, которые для обеспечения своего существования *требуют минимальной, по сравнению с другими, энергии*, и потому, на фоне других, *носят устойчивый характер*. При этом, чем о более глубоком уровне бытийной ландшафтности идет речь, тем уровень минимальности необходимой ему для существования энергии выше и тем устойчивей этот уровень, тем больше он играет роль *неизменной субстанции*, способной порождать прочие бытийные формы более высоких уровней, *но менее устойчивые*.

На фоне энергетически менее устойчивого внешнего бытийного контекста глубинные уровни образуют субстанциальные поля стабильности, поглощающие разлагающиеся субстратные формы и порождающие новые уровни. В метафизике тотальности сизигийность любой конкретной ситуации рассматривается как характери-

стика присущих данной ситуации *онтико-онтологических отношений*. Явные онтические отношения упорядоченности получили название *генерологических*, а показатель их упорядоченности обозначается как Ng. В отличие от этого скрытые онтологические полевые влияния, несущие разлад в онтический порядок, получили название *парсических*, а связанная с ними и порождаемая ими мера хаоса обозначается Nr. Сегодня принято, что мера сизигийности ситуации S измеряется как их отношение: $S=Ng/Nr$. Как сегодня доказано, оптимальное значение сизигии, позволяющее форме бытия иметь оптимальный характер, имеет вид: $S_{opt}=80\%/20\% = 4^{28}$. Сизигия, является *сущностью* бытия, поскольку «отвечает» за устойчивый характер его ландшафтности, равно как и за особенности каждой самостоятельной устойчивой формы бытия в условиях разных уровней ландшафтности, в том числе человека. Можно предположить, что, опираясь на понимание сизигийного механизма, человек сможет в будущем эффективно решить проблему космического выживания даже в тех средах, в которых сегодня жизнь невозможна. В основе будет лежать учет особенностей строения бытийных форм и их отношений в разных ареалах бытия и действия в соответствии с их ландшафтными особенностями на основе их сизигийной самосогласованности и двойственной, онтико-онтологической ландшафтности.

Сегодня человечеству известны, им изучены многие формы ландшафтности. Ландшафтность простирается от астрономических дифференциаций звездных и планетарных систем, до стратификаций земной магнитосферы, атмосферы, гидросферы, геосфер «твердой» земли, биосферы, географической оболочки (привычного нам ландшафта) и их морфологий. Человек включен в рядки разнообразного мира биосферы с ее животными и растительными формами, а также пребывающими на грани живого и неживого.

28 Зельманов А. Л. Некоторые философские аспекты современной космологии и смежных областей физики // Диалектика и современное естествознание, М., 1970, с. 395–400. Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии. // Космология: теория и наблюдения. – М., 1978. – с.369-380.

Непосредственное отношение к человеку имеет характер гетерогенности земной ноосферы, и самое непосредственное – сложные и подвижные многокомпонентные отношения внутри социума (межгосударственные, межэтнические, социально-политические, экономические, культурно-духовные, межличностные и прочие). Все эти отношения носят внешний характер

С другой стороны существует сложнейшая скрытая ментальная структура человека, его сознание, переживания и его изменчивая жизнь. Эти известные нам отношения вместе с другими, о которых мы пока не знаем, также есть формы проявления общей ландшафтности бытия и ее изменений, и каждая из них несет на себе печать общей ландшафтности, хотя внешне проявляется в характере нашего поведения, часто кажущегося нам простым. Каждое отношение предполагает другие и предполагается ими в единой топологической связности, означающей не столько их внешнюю похожесть и одинаковость, сколько кажущееся таинственным их *взаимное соответствие при их внешнем различии и неповторимости*, подобно тому, как разные по виду и функциям органы тела одного и того же живого организма человека или животного кажутся нам естественными и взаимно необходимыми.

Человека интересует, прежде всего, он сам и его место и жизнь в ландшафтной тотальности мира, а значит и тотальность мира в нем самом. Ландшафт бытия живет и пульсирует не только в эзотерических текстах и мистических откровениях. Появление гелиобиологии А.Л.Чижевского, исследование экономических «больших циклов конъюнктуры» Н.Д.Кондратьевым, попытка обобщения представлений о разнотипных ритмах представителем «школы русского циклизма» Ю.В.Яковцом²⁹, а также рождение, не получившей пока статуса науки косморитмологии, – являются косвенным признанием реальности разнообразной вселенской, но внутренне сизигийно связанной полиритмии, влияющей на нашу жизнь. Будучи включенным в нее собственными личностными циклами, своими биологическими ритмами, ритмами сна, сменами духовной и

²⁹ Яковец Ю.В. Циклы.Кризисы.Прогнозы. – М.: Наука, 1999. – 448с.

материальной деятельности, труда и отдыха, спадами и подъемами активности на своем жизненном пути, человек хочет знать и свои прочие ландшафтные возможности, иметь способность осваивать более широкие жизненные пространства, не утрачивая, однако, своей исходной укорененности в бытии, самости, и не превращаясь в безродное перекаати-поле, лишенное внутренней субстанциальной идентичности.

Сегодня ясно, что только внешне ландшафт может казаться нагромождением случайных фрагментов и артефактов, порой красивых в субъективном восприятии человека, порой устрашающих его своей первозданной дикостью и беспощадностью в виде извержений вулканов или срывающих крыши домов смерчей. На самом деле за этой игрой неповторимости и разнообразия скрывается сложная и подвижная упорядоченность жизни бытия, частью которой является и человек. Возникает фундаментальный для человека и человечества вопрос: *как человеку следует жить, чтобы быть не в дисгармонии и борьбе с бытием, а в постоянной сизигийной гармонии с ним?* Ответ на него предполагает рассмотрение человека не только в отношениях с другими людьми, обществом и с природой, а и через призму его непосредственного отношения с бытием. Речь идет о его *онтико-онтологической дуальности и сизигийной сущности*.

1. Особенности пребывания человека в бытии

Как следует из вышесказанного, специфика пребывания человека в ландшафтных порядках бытия связана с наличием двух видов этих порядков. *Во-первых*, он пребывает в явном *онтическом*, внешнем отношении к другим явлениям мира – *человекоразмерен* миру. *Во-вторых*, он выступает как проявление скрытых *онтологических* субстанций бытия, представляет собой весь мир (является *человекомирным* существом). Иначе говоря, он внешним образом представлен в бытии своими действиями, а бытие скрыто представлено в нем своей *ландшафтностью*, причем настолько органично, что изменение даже отдельных параметров бытия, например вели-

чины гравитационной постоянной или заряда электрона, могли бы привести к переструктуризации вселенной таким образом, что в новой вселенной человеку с его тонкой ментальной субъективностью не нашлось бы места.

Человек не просто зависит от онтико-онтологических ландшафтных влияний бытия, а будучи частью бытия, – *формируется* ими. И.Кант не случайно считал, что за внешне бессмысленным ходом человеческих дел скрывается цель природы, и человеческая история возможна только как проявление определенного *плана природы*. Это, как может показаться, ставит вопрос о фатальной несвободе человека, но на самом деле человек обладает свободой в той же мере, в какой является ландшафтным детерминантом, способным влиять как на ландшафт, так и на формирование своих собственных порядков и своего места в мире. Подробней о человекомирности человека сказано в постнеклассическом манифесте³⁰.

Еще одним принципиальным моментом отношения человека и ландшафта (в отличие от отношения человека и бытия вообще) является преимущественно *информационный характер* этого отношения. Влияя на человека своими ландшафтными порядками полевым образом, бытие выступает источником не столько материи для человека (человек сам заботится о своей жизни, в том числе о своем питании и жилище), сколько *информации об этих порядках*, о мере соотношения ландшафтных отношений. Особенность информационного влияния состоит в том, что ландшафт кодирует человека своими порядками, а это сказывается затем на обратном влиянии формируемого ландшафтом человека на сам ландшафт. Заключенный в человеке ландшафтный код воплощается далее в формах человеческой деятельности и ее результатах, которые не совпадают с исходными ландшафтными явлениями и порядками, хотя и соответствуют им, подобно тому, как декодированная информация соответствует коду, но отличается от него. Человек, *упорядочивая мир, создает новый, культурный ландшафт, соответствующий ландшаф-*

³⁰ Кізіма В.В. Человекомирная тотальность. Постнеклассический манифест. – К.: ЦГО НАН Украины. – 1993. – 34с.

тным порядкам своего мышления, но внешне качественно иной. Данное двойное кодирование проявляется как во внутренней жизни человека, так и во внешних отношениях человека к миру. За счет этого мир культуры внешне отличается от мира природы и мира человеческого сознания и разнообразится в своем дальнейшем развитии. В то же время, весь этот комплекс остается единым благодаря взаимному соответствию его разнородных компонентов друг другу. В случае, если данное соответствие нарушается со стороны, ситуация дегармонизируется и распадается, влияя на дальнейшие процессы гармонизации как их внешнее условие.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что: *все происходящее в ландшафтности бытия есть многообразие процессов, всегда направленных на поддержание сизигийного соответствия их друг другу, а потому, в своей целокупности, всегда являющееся одним и тем же бытием.* Данное положение можно назвать *законом сохранения бытия.* Благодаря сизигийности разнообразие мира не рассыпается, поскольку представляет собой одну и ту же, хотя и трансформирующуюся, но сохраняющуюся в своей основе субстанцию – бытие.

Роль онтико-онтологической ландшафтности бытия в жизни человека неоднократно рассматривалась через призму влияния географического ландшафта на человека и общество. В свое время Г.В.Плеханова безосновательно обвиняли в географическом детерминизме за то, что он считал особенности географической среды ответственными за возможность приобретения антропоморфными предками человека свойства «делания орудий» и последующее его развитие. Л.Н.Гумилев доказывал, что развитие этносов и биосферы является единым процессом, ответственным, в частности, за феномен пассионарности³¹. Подобные идеи развивал еще И.Г.Гердер, считавший, что природно-географическая среда порождает специфический «дух народа», комплекс его манер, обычаев, способов чувствования и поведения. О том же говорил в XX в. Л.С.Берг в своей работе «Номогенез». В диссертации А.В.Горбаня предприня-

³¹ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990. -279с

та попытка обобщить прежний материал с помощью представления о «законе Гердера-Гумилева»³². Имеют место и другие целенаправленные усилия систематизировать и развить эти идеи.

Как пишет украинский исследователь В.Крисаченко, «оцінити довкілля етносу не як тло, на якому простежується його буття, чи сцену, на якій той чи інший народ грає свою роль, а як його власну невід’ємну частину». Далее говорится о специфическом характере единства этноса и природной среды. „У цьому випадку ми маємо справу з якісно новими типами утворень, оскільки система „етнос-довкілля” – суть не кумулятивні, а синтетичні об’єкти”³³. Сегодня это уже очевидно, как очевидно и то, что когда говорят «родина», «дом», «двор», «луг», «поле», «родной край», очерчивают комплекс влияний, образующих свой особый порядок среды, задающий явно и осознанно для человека, как и на его подсознательном уровне, особенности его поведения. Так формируются нравы, обычаи, язык, весь символический строй мышления живущего в этой среде и непрерывно взаимодействующего с ней в своей жизнедеятельности этноса. И весь этот комплекс оказывается представляющим из себя единую органическую целостность

С учетом сказанного можно сформулировать несколько существенных положений, касающихся отношений человека и ландшафта.

Первое: следует различать влияние ландшафта на человека и *организующий* характер этого влияния. Частичное влияние ландшафта не отличается от влияний отдельных явлений и вещей. Специфика ландшафтного влияния состоит в *его информационной комплексности*, как раз и обеспечивающей его организующий характер.

Второе, – истинное ландшафтное влияние на человека следует отличать от сознательного отражения ландшафта человеком в своем

³² Горбань А.В. Стратегема устойчивого развития общества (социально-философский анализ). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Симферополь, 2004. – 198с.

³³ Природа і етнос. – К.: Наукова думка, 1994. – 208с. – с.29.

суб'єктивном восприятти – в стихах, музице, картинах, в дорожних заметках или на географических картах и схемах, как и в научно-географической познавательной практике. Вряд ли можно говорить об истинном ландшафтном влиянии на сознание и творчество человека в случае попытки непосредственно перенести в свое мышлении те или иные черты *внешней* ландшафтности среды, в которой человек обитает. Так В.А.Подорога³⁴ стремится вывести особенности «пространственного чувства» философов С.Киркегора, Ф.Ницше, М.Хайдеггера из пространственных представлений этих авторов, возникших непосредственно из их визуального, вербального, телесного (психомоторным образом) контакта с местными конкретными ландшафтами их жизни. Это делается в форме метафорического надделения этих представлений свойством некоей абстрактной синтетической *линии*, которая в одном случае рассматривается Подорогой как *линия складки* (в случае Хайдеггера), у Ницше – как *линия танцевальная*, а у Киркегора – как *линия каскадная*. Во всем этом есть много хотя и любопытного, но и искусственного, упускающего сизигийную суть дела.

Истинное, то есть объективное ландшафтное влияние следует считать не гносеологическим отражением ландшафта в *человеческом сознании*, а объективным *представлением* ландшафтности в сознании человека, которое внешне чаще всего не похоже на представляемую ландшафтность. Нужно согласиться с тем, что, в отличие от отражения человеком бытия, как это представляется в гносеологической теории отражения, действительное познание является не зеркальным (или подобным зеркальному) отражением, а *когнитивной репрезентацией* реальности в человеке в виде субъективного ментального «образа мира», причем «образ мира» в этом случае предстает как «иерархическая структура когнитивных репрезентаций»³⁵ и в своей упорядоченности *не похожа* на упорядоченность

³⁴ Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX вв. – М.:Наука, 1993. – 320с.

³⁵ Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» - Вопросы философии, 2002, №8, с.52- 69.

внешнего ландшафта. Однако, – и это принципиально, – она *соответствует* ей, как голограмма своим внешним видом не похожа на предмет, закодированный в ней, но соответствует ему.

Третье: сама когнитивная репрезентация предстает как качественно иная, особая ландшафтность. Ведь что такое «когнитивная репрезентация реальности в виде образа мира»? Это репрезентация в человеческом сознании ландшафтности бытия в виде *ландшафтного «образа мира»*, трансформирующегося в *ландшафт самого познания*. Цитируемые авторы не случайно называют «субъективным образом мира» как раз «совокупность когнитивных репрезентаций реальности»³⁶. А эта комплексная когнитивная репрезентация «представляет собой иерархическую систему персональных конструктов – элементарных единиц анализа отношений сходства-различия событий»³⁷. Вывод о ландшафтном характере познания, следовательно, и ментальной сферы человека, имеет важнейшее значение для раскрытия многих тайн мышления вообще и ландшафтности мышления, в частности. Конкретней, он способен быть общеметодологическим фундаментом объяснения многих исследований по когнитологии, например механизма перехода довербального состояния сознания (скажем, интуитивного выстраивания тех или иных концептов на основе отдельных разъединенных представлений) в вербальное (проблема категоризации), развития идей порождающей грамматики Н.Хомского, а также когнитивной лингвистики и других развиваемых когнитологических интенций сегодня³⁸.

Можно продемонстрировать данное утверждение на примере проблемы категоризации. Она связана с необходимостью увязать язык и культуру и представить языковой дискурс в связи с когнитивными структурами, лежащими в глубинах сознания. Сущность процессов категоризации составляет способность человеческого созна-

³⁶ Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» – Вопросы философии, 2002, №8, с.64.

³⁷ Там же, с.69.

³⁸ Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 480с. – см. ч.1 и 3.

ния выделять из явлений окружающей действительности, из потока информации какие-либо общие, достаточно устойчивые признаки, которые регулярно повторяются в некотором фоновом окружении³⁹. Фактически, указывая на ландшафтный характер реальности, автор цитируемой статьи Л.А.Манерко отмечает, что предметно-вещный континуум пространства неоднороден, объединяет явления разной природы – как реально функционирующие предметы, так и явления, затрагивающие глубины души человека, вещи ритуального, искусствоведческого назначения, лишённые свойства «реальной» полезности. Определяя явления как первое или второе, пишет автор, «индивид уже подводит их под определенную категорию, выстраивает в своем сознании систему их признаков, свойств и отношений, обобщает их, сознательно воспроизводя объект-оригинал теми или иными языковыми средствами. Так смыкаются друг с другом неязыковые и языковые фоновые знания»⁴⁰. На этой основе формируется иерархическая категоризация, каждый компонент которой как бы заранее «запрограммирован» в процессе восприятия окружающего пространства, целенаправленного внимания к конкретному, реально функционирующему предмету. Данный процесс заключается в том, что широкий диапазон фоновых знаний актуализируется в конкретной номинативно-коммуникативной ситуации. Актуализация сопровождается тем, что языковой знак подводится в сознании человека под уже сформированный концепт⁴¹.

Но, как отмечалось ранее, положение человека в ландшафте не сводится к организующему влиянию ландшафта на человека, его сознание, язык и образ его жизни. Наряду с этим распределением ландшафтности, – и это будет **четвертое**: человек своей деятельностью *опредмечивает* несомый им ландшафтный когнитивный код во внешней действительности и тем *меняет* ландшафтность бытия.

³⁹ Манерко Л.А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2000. №2, с.39-51, с.39.

⁴⁰ Там же, с.41.

⁴¹ Там же, с.42-43.

В результате, – **пятое:** единство человека и бытия предстает как *двойственный процесс кодирования-декодирования*, а именно: ландшафт в ходе человеческой деятельности, и даже независимо от нее (например, при закладывании генотипа на эмбриональном уровне человека или архетипических образований сознания позже), репрезентирует себя в ментальных структурах человека в виде их ландшафтного кода, а человек в той же деятельности декодирует ранее приобретенный код в формах своей опредмечивающей деятельности – в виде *ландшафтных порядков культуры*.

Шестое: сам культурный ландшафт становится источником кодирования ментальных процессов новых поколений людей и способствует формированию *ментальных ландшафтов второго, третьего и дальнейших порядков*, и человек развивается на основе усвоения все более уплотняющейся, наслаивающейся и архивуемой (сворачиваемой) информации, все далее уводящей его от исходного очевидного для него повседневного ландшафта его индивидуации и актуализирующего более глубокие уровни и порядки информационной связи человека с миром, которые до того носили характер виртуальных.

Седьмое: в этом сложном процессе человек настолько же хозяин ситуации, насколько и подчинен ей, вследствие чего она представляет проблему: неясно является ли она желательной для человека или, развиваемая стихийно, ведет к эсхатологическим исходам. Последнее обстоятельство представляет собой особо актуальную сегодня для человечества проблему. Рассматривая опасность движения к глобальной цивилизационной катастрофе и пути блокирования данной тенденции, Ю.Г.Тютюнник говорит о необходимости самоограничения социума и явного включения в научный дискурс о ландшафте нравственных категорий добра и зла⁴². Но какими могут быть критерии такого самоограничения, если они должны признаваться всеми как объективные и необходимые, а значит способ-

⁴² Тютюнник Ю.Г. Злоключения субъекта на планете прогресса, или станет ли ландшафт последним пристанищем для Я? // Феномен ландшафту: частины – ціле – все. Філософія і географія. Проблеми постнекласичних методологій. – Київ, 2004 – с.14-18.

ные обладать не только юридической силой, а и внутренней силой нравственного убеждения?

Известный немецкий философ-экзистенциалист Ганс Йонас применительно к экологической ситуации XXв. предлагал отличный от кантовского категорического императива новый, основанный на призыве к ответственности. Он звучит так: делай так, чтобы последствия твоего действия согласовывались с непрерывностью сохранения аутентичной человеческой жизни на Земле. Однако, данное веление носит, на самом деле, характер благих пожеланий, поскольку фактически является предостережением, а не ответом на вопрос. Он не говорит, чем конкретно нужно руководствоваться сегодня, чтобы катастрофы не произошло завтра.

Восьмое: искомый критерий предлагает тоталлогия (как форма рациональности она представлена работе⁴³). Рассматривая единый опредмечивающе-распредмечивающий процесс как развертывающееся на основе парсически-генерологического механизма целостное субъект-объектное единство (тотальность), можно прийти к общему выводу о том, что данное единство сохраняет свою связность и идентичность (а это и есть первостепенная задача самосохранения единства социума как субъекта и ландшафта как объекта, которые постоянно меняются местами в своей определяющей активности и взаимопроникают друг в друга – об этом частично уже было сказано выше), если количественная мера исходных информационных ландшафтных порядков (мера *генерологической упорядоченности*) относится к мере нарушающего эту упорядоченность информационного „хаоса” (инновационных или непредвиденных результатов деятельности людей – *парсических влияний*) приблизительно как 4:1. Именно соблюдение данного отношения есть условие контролируемого развития человека в порядках ландшафтности бытия. Этот закон носит универсальный характер, поскольку получен из самых общих предположений, допускающих любой характер су-

⁴³ Кізіма В.В. Сизигійна раціональність (єдність причинних дій і метапричинних впливів). //Totallogy-XXI (дев’ятий випуск). Постнекласичні дослідження. – К.: ЦГО НАН України. – 2003, с.55-187.

бъектов, объектов и самой деятельности, то есть, для самих разнообразных по своей природе систем, в том числе и не социальных. Предпосылки данного закона содержатся в представлениях об информации У.Р.Эшби (закон необходимого разнообразия) и К.Шеннона (выявление универсальной меры упорядоченности систем)⁴⁴. Особенно важными являются работы глубоко интересовавшегося проблемами динамики единства и многообразия (например, сохранения культурного разнообразия в ходе современного процесса глобализации) Е.А.Седова (закон иерархической компенсации)⁴⁵.

Девятое: в связи со сказанным, ранее сформулированный закон сохранения бытия может быть дополнен еще одним. Имеющее место в ходе опредмечивающе-распредмечивающей деятельности человека соблюдение соответствия между кодированием (процессом, идущим „вовнутрь” человека, – *инволюции*) и декодированием (процессом, идущим „вовне” через деятельность человека – *эволюции*), означает непрерывное сохранение инволюционно-эволюционного единства и рассматривается в тоталогии как универсальный онтологический закон сохранения многообразия бытия. Иначе говоря, сохранение бытия не есть сохранение некоей абстрактной субстанции как таковой, эта субстанция сохраняется только через многообразие форм своего бытия, которое неуничтожимо, хотя характер этого многообразия непрерывно меняется. Происходящая в таком единстве-многообразии жизнь человека как постоянный инволюционно-эволюционный процесс, носит характер самодетерминации, участия человека в разных порядках бытия и смены этих порядков. Рассматриваемая в соответствии с сизигийным требованием 4:1, то

⁴⁴ К.Шеннон. Предсказание и энтропия английского печатного текста. – В кн. Работы по теории информации и кибернетике. – М., 1963.

⁴⁵ Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем //Общественные науки и современность. – 1993, №5. – с.92-101; Седов Е.А. Взаимосвязь энергии, информации и энтропии в процессах управления и самоорганизации // Информация и управление. – М., 1985; Седов Е.А. Информационные критерии упорядоченности и сложности организации структуры систем // Системная концепция информационных процессов. – М., 1988. - №3; Седов Е.А. Одна формула на весь мир. – М., 1982; Седов Е.А. Эволюция и информация. – М., 1976.

есть как истинно рациональная (разумная), она имеет определенные закономерности. Результаты их выявления в виде соответствующих принципов и положений в своей совокупности и образуют содержание новой, *сизигийной рациональности*, позволяют говорить об аксиомах бытия и о новом мировоззрении – метафизике тотальности⁴⁶. Переход к последней, как условие освобождения от абсурда современного мира, становится все более актуальным.

2. Человек и возможность его метампсихоза

Онтоко-онтологический механизм позволяет ставить и решать целый комплекс фундаментальных вопросов и проблем, касающихся человека, о которых до сих пор если и говорили, то как о чем-то фантастическом, и «решения» которых носили аналогичный характер. Едва ли не в качестве самой фундаментальной проблемы можно рассматривать проблему метемпсихоза (*греч.* μετεμψύχωσις, «переселение душ»), – возможности продолжения жизни человека после его телесной смерти и как средства обеспечения бессмертия человека. А также о возможности его повторного рождения, о сверхъестественных способностях человека, которые иногда обнаруживаются в нестандартных для человека ситуациях.

Вопросов по этой теме в ходе исторического развития человечества накопилось множество. До сих пор они рассматривались чаще всего в мистической и религиозной литературе. Поскольку вера в сверхъестественное является принципиальной для религии, ее представители с давних времен стремились понять и описать потустороннее существование человека как его чисто онтологическое состояние. Существуют даже специальные антологии религиозных текстов, связанных с этим вопросом⁴⁷. Как и канонические рели-

⁴⁶ Кизима В.В. Аксиомы бытия // Totallogy-XXI..Постнекласичні дослідження. №31.- Київ: ЦГО НАН України. – 2014 – с.133-160. Кизима В.В.Начала метафизики тотальности // Постнекласика: філософія, наука, культура. / Отв.ред. Л.П.Киященко, В.С.Степин. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. – с.71-137.

⁴⁷ См., например: Книга загробных видений (антология) – СПб.: Амфора. ТИДАмфора, 2006. – 344с.

гиозные тексты, подобные работы читаются с интересом, но из-за отвлечения их авторов от онтической телесности человека, остаются в стороне от реальных аномальных случаев, происходящих с *реальным человеком*.

Сущность человека, ответственная за возможность метампсихоза и связанные с ним аномальные феномены, с позиций онтико-онтологической дуальности до сих пор не рассматривалась. Имели место лишь ее интерпретации на основе онтологических религиозных представлений, а также в пространстве оккультизма, магии, теософии, парапсихологии, спиритизма, астрологии и других подобных интерпретаций, которые нельзя принимать всерьез из-за их слабой эмпирической доказательности и самого их многообразия. Более конкретными, но, в основном, частными попытками решить проблему аномальных свойств человека, стали подходы, связывающие данные феномены с особенностями работы *мозга человека*. К ним можно отнести:

1.нейролингвистическое программирование (НЛП), используемое для «чтения мыслей» и «манипуляции сознанием»;

2.гипноз;

3.«невербальную коммуникацию», преследующую цель получения информации о человеке невербальным образом – через его одежду, причёску, мимику, позу и т.д.;

4.экстрасенсорное восприятие (ЭСВ) – способность получения данных без использования известных нам сенсорных органов чувств (разновидностями ЭСВ являются телепатия – непосредственная передача мыслей между людьми; ясновидение – сверхъестественное осознание объектов или событий; спонтанно осуществляемое предвидение – знание будущего);

5.«мистический опыт» – особые психологические и психофизические изменения, которые происходят в человеке из-за его столкновения с чем-то радикально необычным и необъяснимым с традиционных позиций;

6.«созерцание зеркал» – способ обретения доступа к бессознательному в форме наблюдения привидений и призраков умерших;

7.«околосмертные переживания» – измененные состояния сознания, которые могут включать в себя ощущение выхода из физического тела, мистические видения, чувство исчезновения эго и выхода за пределы пространства и времени;

8.сегодня также имеют место эмпирические попытки двигаться в обратном направлении – напрямую сочетать мыслительные процессы человека с материальными процессами в нейробиологии и нейрофизиологии и в связи с развитием робототехники и иных NBIC-технологий.

Подобные попытки понимания процессов, происходящих на границе «жизнь-смерть», не решили проблем, на которые были нацелены. В очередной раз увлекаясь онтологией бытия человека и абсолютизируя ее как внешнюю божественную силу, господствующую над человеком, они игнорировали ее неразрывность с онтикой самого человека. Картина онтико-онтологической дуальности часто редуцируется к религиозно-онтологическим интерпретациям.

Стихийной научной попыткой идти в онтико-онтологическом направлении можно считать постановку в начале XX в. проблемы бессмертия человека В.М.Бехтеревым. Сущность его позиции была изложена в выступлении на торжественном акте Психоневрологического института в феврале 1916 г. Выступление называлось: «Бессмертие человеческой личности как научная проблема»⁴⁸. Рассматривая данную проблему, В.М.Бехтерев утверждал, что наличие только смерти и отсутствие бессмертия человека обесмысливает жизнь человека, принципы и нормы его жизни и всю историю. Он цитирует, в частности, Л.Н.Толстого, который говорил: «Если признают жизнь не в теле, а в духе, то нет смерти, есть только освобождение от тела. Мы признаем в душе нечто такое, что не подлжит смерти. Объяви только в своей мысли то, что нетелесно, и ты поймешь то, что в ней не умирает».

Сам В.М.Бехтерев в конечном итоге также понимал бессмертие человека не физическое, а прежде всего духовное, но у него бессмертен не дух человека, а то духовное, что человек вносит как

⁴⁸ Текст выступления присутствует в интернете.

свой вклад в духовную жизнь всего человечества и именно благодаря этому становится потенциально бессмертным. Однако эту ситуацию нельзя считать «бессмертием человеческой личности». Свое выступление он завершает следующими пожеланиями: необходимо, чтобы «все общечеловеческое, гуманное и жертвенное нашло возможно полное отражение в нашем собственном существе и тем самым служило бы созданию лучшего человека в будущем. К созданию этого лучшего, т. е. морально более высокого человека – будущего человеческого прогенератива и должны быть направлены все наши усилия, сущность которых должна заключаться в непрерывном совершенствовании своей собственной личности в соответствии с интересами общечеловеческого коллектива и одновременно в совершенствовании общественных форм человеческой жизни».

Очевидно, что такой подход не решает вопроса, поскольку ограничен пониманием человека как только онтического земного существа и члена общечеловеческого коллектива, остающегося в духовной памяти последнего и после физической смерти человека. В этом случае речь идет о бессмертии *памяти* о человеке, но не о бессмертии *человека*.

На самом деле человек тогда может считаться бессмертным, когда, обладая явной земной онтикой, он научится учитывать и свою онтологическую природу и овладеет способностью пребывать в разных онтико-онтологических состояниях не только земного, а и космического масштаба. Реальная возможность истинного решения проблемы бессмертия человека появилась в связи с пониманием бытия на основе принципов: онтико-онтологической дуальности, причинно-кондициональной самодетерминации; сизигийности; диверсизации. Рассматриваемые через их призму человек и бытие, а также их отношения, предстают в новом виде, что позволяет развить и новое понимание человека – как несущего в себе не только онтическое, телесное, а и качественно иное, полионтологическое, многополевое начала, и взглянуть на проблему жизни и смерти человека по-новому – через призму его *онтико-онтологических трансформаций*.

Речь идет о следующем. В обычных повседневных ситуациях жизни присутствующие в нас в скрытом виде онтологии бытия не демонстрируют себя явным для нас образом, мы о них часто вообще не только не задумываемся, а даже не подозреваем. В этом случае создается впечатление, что все наши действия зависят только от нас самих и от внешних условий нашей жизни, на которые мы можем причинно влиять нужным нам образом. Это, в общем случае, – нормальная ситуация, в которой наша индивидуальная онтика и онтологии находятся в равновесии и в более или менее гармоническом состоянии. Большинство людей живут именно такой «стандартной» жизнью и сами являются обычными, «нормальными» людьми.

Но положение меняется в нестандартных случаях, например, когда онтика и онтология присутствуют в человеке в неоптимальной сизигийной «пропорции». Скажем, когда человек от рождения по каким-то причинам лишен зрения или слуха или утрачивает их в процессе жизни. В подобных случаях он, не задумываясь или не зная об этом, часто, не отдавая себе отчета, вынужден стихийно «прислушиваться» к *скрытому в нем онтологическому миру*, выходящему за пределы его очевидной онтической телесности, просто пытаться нормально жить, требуя этого от своего организма и, тем самым, развивая нужные *онтологические* качества и возможности. Эти попытки и усилия могут стимулирующим образом привести в действие его прежде скрытые силы и возможности и позволить ему «необычным» для окружающих его «обычных» в своем отношении с миром и в своих способностях людей, а затем уже осознанно и постоянно ориентироваться в мире, опираясь на свои активированные скрытые, онтологические возможности. В подобных случаях человек *бессознательно активизируя свои скрытые онтологические возможности*, компенсирует свой *онтический* ущерб. Внешне жизнь такого человека может существенно отличаться от жизни большинства людей, а сам человек рассматриваться в обществе как обладающий необычными возможностями и способностями.

Все это не редкие случаи, а постоянная практика, связанная с формированием взрослого человека из младенца. Сразу после рож-

дения человека его онтико-онтологические отношения еще *не носят установившегося характера*. Они могут меняться и даже перестраиваться в человеке в ходе его взросления незаметно для него, и даже в дальнейшей жизни, особенно если она связана с болезнями, травмами или другими телесными изменениями. Именно в младенческом и детском возрасте, по всей видимости, оформляются главные *онтико-онтологические особенности человека*, которые определяют основные формы его общения с миром и черты его характера. Поэтому детство имеет важнейшее значение в жизни человека с точки зрения гармонизации его онтико-онтологических отношений с миром.

На основе того, что человеку дано от его «онтико-онтологической природы» в момент рождения период детства может существенно влиять на выстраивание приоритетности тех или иных природных черт в его характере. При этом, чем сильнее скрытые онтологические возможности в ходе формирования человека «выходят на поверхность», тем чаще они воспринимаются другими людьми как сверхспособности данного человека и проявляются в разных формах аномальности его поведения, как явных, так и скрытых. Данный процесс существенно зависит от характера семейных отношений в которых находится ребенок и от множества внешних факторов его жизни. Гармонически развитый человек – тот, в котором онтика и онтология находятся в *оптимальном сизигийном отношении*. Он живет в целом успешно и гармонично, но не блещет тем, что называют сверхспособностями или гениальностью. Если же человек имеет онтические недостатки от рождения или приобретенные в ходе особенностей семейного воспитания или иных причин, он вынужден стихийно, часто бессознательно пробовать разные способы их компенсации, в том числе за счет своих скрытых онтологических свойств. Благодаря их развитию и необычности он может со временем начать резко выделяться среди окружающих.

Примерами явного влияния онтологии на человека могут быть феномены т.н. «кожного зрения», возможности человека читать пальцами при завязанных глазах, т.е. без участия зрительных кле-

ток (феномен Розы Кулешовой). Близка к этому способность вести машину с завязанными глазами (Юрий Горный). К этому же кругу относится явление телекинеза – способности «силой мысли», т.е. бесконтактным образом, передвигать предметы, изменять траекторию движущихся объектов, влиять на статистическую картину распределения случайных событий или оставлять изображение на фотографических пластинках. Эти возможности демонстрировала известная Н.Кулагина. До сих пор подобные задокументированные феномены не получали объяснения.

К этому же ряду, но в виде уже не физического, а духовного качества, относится поразительная способность некоторых людей видеть сквозь время (причем как вперед, так и назад) и пространство. Ею обладала болгарка Ванга. В случае с Вангой следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что ее необычные способности проявились не сразу. Видимо они формировались уже в ходе ее жизни по рассмотренной выше схеме выхода онтологических качеств на уровень онтических отношений в силу особых жизненных обстоятельств. Возможно этому особенно поспособствовало то, что в 1923г., когда Ванге было 12 лет, она попала в вихрь урагана, в результате чего потеряла зрение. Можно предположить, что это существенно повлияло на характер ее онтико-онтологических отношений с миром, но и после этого ее дар еще не проявлялся явным образом. И только в 1941 г. у нее появилась способность не только «расшифровывать» сны и предсказывать будущее человека, его судьбу, а и предвидеть ход разного рода бытовых, а также общественных, политических и военных событий. Можно предположить, что именно утрата зрения в этом случае вызвала подключение онтологических уровней бытия к онтическим органам чувств и поспособствовала активизации в теле Ванги скрытых онтологических сил, которые у людей зрячих хотя и существуют, но не активизированы.

Подобные сверхвозможности поражают своей нестандартностью, особенно когда речь идет о способности *предвидеть* конкретные, иногда до деталей, будущие события, связанные с судь-

бами не только конкретных людей, а и целых стран и народов. В подобных случаях сама возможность предвидения будущего в его существенных деталях кажется чудом и часто так и воспринимается. На самом деле человек в этом случае видит все реальные события не телесными глазами, он воспринимает все те же детали этих событий в *онтологических полевых представлениях*. Но в отличие от «обычных» людей, живущих в мире *онтических* отношений, у которых онтологические механизмы не играют решающей роли в их внешней жизни и потому не развиты, для людей, у которых имеет место далекая от обычной сизигийности онтико-онтологическая дисгармония, онтологическая составляющая является важной, а иногда и главной.

Сегодня понимание того, что принцип онтико-онтологической дуальности позволяет приблизиться к пониманию онтологических феноменов и их практическому использованию, тем более важно, что жизнь дает все новые и более яркие подобные нестандартные ситуации, требующие интерпретации. Среди них следует упомянуть уже многократно наблюдавшийся в медицинской практике, а сегодня ставший в определенном смысле привычным, феномен «выхода человека из тела» во время операций и при родах. Эти явления можно считать установленным фактом, особенно после того, как число подобных зарегистрированных случаев возросло в результате развития реанимационной техники.

Онтико-онтологическая дуальность, в данном случае, со всей очевидностью проявляет себя в том, что в ходе критического характера операций наблюдается картина, когда телесный человек находится в бессознательном состоянии на операционном столе, и, в то же время, как «сверхтелесное существо», «видит» и «слышит» происходящие события *со стороны*, находясь за пределами тела и не имея, в этом случае, реальных органов чувств, поскольку органы чувств у него как «сверхтелесного» отсутствуют, и его самого никто в данный момент в операционной не видит. Иногда это объясняется побывавшими в данном состоянии людьми тем, что на самом деле они не онтически слышали голоса врачей, а «просто» *онтологиче-*

ски читали их мысли. Фактически, во всех подобных случаях человек *раздваивается* на лежащее на операционном столе телесное *онтическое* существо, и бестелесное и вездесущее – *онтологическое*. С точки зрения принципа онтико-онтологической дуальности это неординарно и требует самостоятельного объяснения.

Онтологическое состояние можно, в данном случае, рассматривать в качестве специфического информационно-энергетического качества человека как целого, которое может проявляться подобным образом в любом месте, но уже *не по законам телесного мира*, а в соответствии с особенностями бытия как *информационно-энергетической онтологической, полевой реальности*, для которой привычное для нас расстояние роли не играет. Человек способен информационно находиться «в любом месте», о котором в данный момент думает, может самой сменой мысли мгновенно «перемещаться» из одного подобного «места» в другое.

Возможно к этому имеет отношение обсуждение возможности сверхсветовых скоростей в физике, в ходе которого Д.Бом высказал мысль о том, что такая ситуация возможна при допущении того, что реальность носит *голографический* характер. В ней из-за нетелесной ее природы «все есть во всем» и «мир есть голограмма». В таком случае все дело в том, чтобы правильно информационно-энергетически настроиться в сознании на нужное реальное место или реальную ситуацию либо на человека, а фактически – просто подумать о нем. Традиционно понимаемое нами пространство и расстояние в этом случае утрачивают смысл, а законы традиционной науки, в том числе специальной теории относительности А.Эйнштейна, – не работают.

Все это реально имеет место подобно тому, как в оптической голограмме какого либо объекта целостное изображение данного объекта присутствует в каждой точке голограммы. Разочаровываться по поводу того, что «наш мир – всего лишь голограмма», не стоит, поскольку он – не только голограмма, а также и телесность, материальность и вещественность, столь близкие человеку в его реальной жизни. И именно в этой двойственности мир и сам чело-

век только и реальны в своей единой полноте. Дуальность человека играет определяющую роль в его жизни, а также в процессах перехода между жизнью и смертью как в ту, так и другую сторону. Поэтому сохранение и оптимальное поддержание этой *онтико-онтологической двойственности* можно рассматривать в качестве *сущности бытия человека*, а непрерывное поддержание его онтики и онтологии *в состоянии их взаимного соответствия, гармонии* можно рассматривать в качестве до сих пор не осознававшейся, но *постоянной и жизненно важной цели человека*. Человек стихийно стремится к ней потому, что, как уже отмечалось выше, гармоничное состояние позволяет расходувать на его самоподдержание минимальную энергию.

Важным является в этом случае изучение и самих процессов перехода от одной онтико-онтологической ситуации в ландшафте бытия к другой. Эти процессы берут верх по мере того, как онтико-онтологическая гармония в силу разных обстоятельств начинает нарушаться и в организме человека нарастают деструктивные тенденции, с которыми он стремится совладать. В связи с этим можно рассмотреть разные варианты и гипотезы.

Например, если онтическое тело человека, утрачивая внутреннюю согласованность частей, разрушается, то, как можно допустить, его скрытое информационно-энергетическое (онтологическое) состояние, поскольку оно определяется не столько телом, сколько бытием, может сразу *не разрушаться и не исчезать бесследно*. В своем основании оно зависит не только, а, возможно, и не столько от тела, сколько от общебытийных процессов. И хотя бытование (жизнь) самого бытия также постоянно пребывает в состоянии гармонизации онтико-онтологического единства, – это уже другой мир, *в нем осуществляются свои собственные метаморфозы – исчезновение явного в скрытом и появление иных явных из скрытого*.

Внешне это может выглядеть как локальные бытийные метаморфозы, или как масштабные преобразования типа взрыва «сверхновых» или аномального феномена «черных дыр». Что же касается

человека, то он, умирая, исчезает телесно, но, возможно, остается как *соответствующая его телесности* более широкая *информационно-энергетическая картина мира*, которая «живет» уже не по законам телесности, а в соответствии с требованиями данной картины в общей скрытой среде бытия. В таком случае гипотетически можно допустить, что человек сохраняется в общей картине бытия, но в ином, *информационно-энергетическом качестве*, если при этом оно тем или иным образом согласовано с неким соответствующим ему онтическим образом жизни, поскольку иначе пересает действовать принцип онтико-онтологической дуальности бытия.

В свое время В.Соловьев в своей статье «Идея сверхчеловека» рассматривая сверхчеловека как человека, победившего смерть. Он интуитивно шел к идее онтико-онтологической дуальности, утверждая неразрывность человека с условиями и с их изменениями, иначе говоря, неразрывность онтики и онтологии в их изменениях. Это видно из его слов: «если смерть... необходима в... наличных условиях, то кто же сказал, что сами эти условия неизменны и неприкосновенны?»⁴⁹. И далее пишет, что «сверхчеловек» должен быть победителем смерти «освобожденным освободителем человечества от тех существенных условий, которые делают смерть необходимой, и, следовательно, исполнителем тех условий, при которых возможно или вовсе не умирать, или, умерев, воскреснуть для вечной жизни»⁵⁰. А для этого нам должны быть известны и «условия, при которых *мы* забираем силу над смертью и, в конце концов, можем победить ее»⁵¹.

Ряд свидетельств в пользу возможности онтико-онтологической интерпретации человека приводит академик Н.Бехтерева в своей книге⁵². В связи с феноменом «выхода из тела» пациента на операционном столе она ставит ряд вопросов и пробует ответить на них.

⁴⁹ Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. – Т.2. – М., «ПРАВДА», 1989 – с.616-617.

⁵⁰ Там же, с.617

⁵¹ Там же

⁵² Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. – М.-СПб: Сова, 2007. - с.224-226.

Форму, в которой происходит «выход из тела» она предпочитает в соответствии со старой терминологией называть душой⁵³. И далее описывает общую ситуацию следующим образом: «Сейчас оттуда, «откуда никто не возвращается», вернулась целая армия людей, и что-то около 10% описывают довольно схожие «сны», причем достоверность явлению придает и (1) то, что субъект описывает в своем «сне» события, реально происходившие, но которых он не мог видеть, и (2) факт схожести снов, виденных умершими и ожившими в разных концах земли, во всяком случае – в типовом варианте. Следует подчеркнуть, что и опрашивали больных разные люди, что также (3) повышает достоверность сходных событий»⁵⁴. Можно отметить и другие слова автора, в частности о том, что указанный «феномен появляется и у 6-10% рожениц. Женщины ощущают себя в течение некоторого времени вне тела, наблюдая за происходящим со стороны. Те из женщин, кто пережил это состояние, единогласно (!) утверждают, что оно характеризуется не только чувством выхода из тела, но и полным исчезновением боли на период этого выхода и наблюдения всего, что происходит и что делают с телом. Что это? Коротенькие «клинические смерти» во время родов? Феномен, не обязательно связанный со смертью? Скорее всего – последнее»⁵⁵. Последнее замечание Н.Бехтерева представляется существенно важным. Она отмечает и такую необычность: «При анализе явления не последним должно быть то, что рассказывает о «виденном и слышанном человек не от «имени» тела, но от «имени» души, отделившейся от тела. А тело – не реагирует, оно клинически умерло. Кто же думает (видит, слышит), когда человек жив?»⁵⁶. Последний вопрос также наводит на мысль о самостоятельной способности «души» к существованию, но уже в контексте не тела, а его информационно-энергетического фона бытия.

Возможно именно так следует отвечать и на ряд других нестандартных вопросов, которые задает Н.Бехтерева. Если тело без души

⁵³ Там же, с.224.

⁵⁴ Там же, с.225.

⁵⁵ Там же, с.226.

⁵⁶ Там же, с.226.

не живет, то «душа без тела живет – или живет то, что может быть соотнесено с понятием души. Как долго? Вечно? Или только пока биологически живет тело?... Как же при выходе из тела душа видит и слышит?»⁵⁷. ««Выход из тела» – действительно выход души или феномен умирающего мозга, умирающего не только клинической, но уже и биологической смертью? Это действительно очень непростой вопрос»⁵⁸..... «С.Г.Данько как будто нащупал мозговые перестройки, коррелирующие с развитием феномена «выхода из тела»... возможно, феномену действительно предшествует измененное психическое состояние. Хотя в данном исследовании – измененное состояние мозга»⁵⁹.

Н.П.Бехтерева отдельно говорит также *об измененном психическом состоянии*, характеризуя его следующим образом. Оно «не равнозначно психической болезни. В зависимости от исходного фона это может быть даже нормализация, что очень важно для лечения. Меняя состояние сознания, как бы помещаешь человека в другой мир, с большим или меньшим разнообразием явлений, чаще всего при сохранении основной позиции «реального» (для человеческой популяции) мира. Человек или лишается многих ощущений, или начинает слышать, обонять, видеть, ощущать то, что было закрыто для него ранее и чаще всего, если специально не поддерживать этого, закрывается для него потом. И чаще всего во благо – для обычного человека»⁶⁰.

Таким образом, в исходном состоянии у больного на операционном столе совмещается онтическая и онтологическая стороны, но затем в критический момент операции происходит их временное разделение, а к завершению операции (в случае ее удачного исхода) почему-то происходит их новое слияние. Каков механизм именно такого «хода событий» и какая сила ведет к возврату «души» в тело, причем именно в данное тело? Когда именно возврат происхо-

⁵⁷ Там же, с.227.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, с.229.

⁶⁰ Там же, с.236.

дит, а когда не происходит и с чем это связано? Примечательно и необычно также то, что человек после операции помнит о процессе разделения и даже рассказывает, что именно с ним (с его «душой») происходило в этот момент, вплоть до ситуации, когда он находился далеко от места операции (например, у себя дома), и описывает картину, которую он наблюдал в своей квартире в момент операции. Причем это позже подтверждалось участниками домашних событий (о таком реальном случае Н.Бехтерева также свидетельствует в своей книге). Подобные процессы разделения и совмещения онтики и онтологии в человеческой (и не только человеческой жизни, а и в любых трансформациях бытийных онтических форм в естественных онтологиях бытия) имеют разный, но всеобщий в бытии характер и сами представляют загадку. Ее анализ и разрешение важны для понимания структуры и динамики не только отдельных форм, а и бытования *самого бытия*, поскольку случаи выхода «души» из тела можно рассматривать как *частное проявление общей онтико-онтологической динамики бытия*, в котором тело является онтической стороной человека, а оставляющий его на время духовный двойник-«душа» представляет его онтологическую сторону.

В этом случае возникает отдельный вопрос об оптимальности или неоптимальности его онтико-онтологических отношений (*сизигийности*), а значит, о самой *судьбе* человека. Одна ситуация, когда человек родился здоровый, и другая – когда появился на свет слепой, глухой или слепоглухой. В этих случаях нужны разные действия для оптимальной адаптации его к жизненной среде, и стоит другая задача – мобилизовать возможности человека на компенсацию телесных дефектов, заложенных в нем от рождения или возникших в раннем возрасте. Если же иметь в виду общебытийную ситуацию, то, при рассмотрении жизни и судьбы человека как части бытия, должны каким-то образом учитываться как текущее состояние всего бытия, так и всей его истории, поскольку человек несет в себе следы, как текущих событий, так и преобразований бытия, приведших к появлению человека таким, каким он есть. Ведь чело-

век не только несет в себе всю историю бытия, а и *соответствует ей*, поскольку он выжил. Эта история кодируется в онтической специфике человека в качестве многоуровневой внутренней онтологии его телесного бытия. При этом вся жизнь человека зависит от степени этой его онтико-онтологической гармонизации и наиболее успешна и эффективна тогда, когда данная гармонизация является оптимальной и постоянно поддерживается в качестве таковой.

Из сказанного следует, что вопрос об онтико-онтологической *гармонизации* является принципиально важным при рассмотрении как бытия, так и человека. Можно предположить, что от характера этой гармонизации – *сизигии* – зависит судьба и *продолжительность жизни человека*. В общем случае, эти вопросы представляют нестандартные и непривычные для сегодняшнего дня, но реальные проблемы. В отличие от ситуации, которая была в мире еще двадцать лет назад, когда данные вопросы относились к области фантастики или шарлатанства, сегодня метафизика тотальности, синтезируя с качественно новых концептуальных позиций представления о бытии, о человеке и об их отношении, одновременно синтезирует в себе ценные моменты знаний, присутствующих в науке, философии и религии.

Необходимым условием понимания жизни онтических форм бытия, в том числе человека, является понимание сущности *самого бытия* и того его вида, в котором оно онтологически пребывает в той или иной бытийной форме, в том числе в человеке. Необходимо понять, в чем состоит *специфика онтологической субстанциальности бытия в человеке*. Это вопрос о природе скрытой жизни бытия в человеке и ее роли в процессе бытия человека в бытии. Для рассмотрения данного вопроса уже имеются предпосылки в науке, особенность которых в том, что они выходят за пределы самой науки. К их числу относится упоминавшийся ранее антропный принцип, сформулированный в, казалось бы, не имеющей отношения к антропологии области, – в космологии, причем почти одновременно в разных странах и в разных формулировках.

Важно то, что данный принцип явно выходит за границы космологии и науки вообще. Не случайно он породил множество толкований и споров, что не так часто случается в точных науках. Причина этого в том, что на самом деле он важен не столько своим научным космологическим моментом, сколько философским значением – возможностью взгляда не только на человека, а и на другие сложные формы бытия через призму эволюции Вселенной как соответствующие ей. Поэтому в его интерпретации можно идти как в сторону физики, так и в направлении расширения понятия космоса до понятия бытия. Для целей, о которых идет речь, второй вариант представляется более логичным и последовательным. В этом случае можно исходить из предположения, что данный принцип с масштабов *Вселенной* можно распространить *на все бытие*.

В таком случае можно утверждать, что любой человек не только онтически индивидуален, а и несет в себе печать организующих влияний всего бытия, представленного в нем сложным информационно-энергетическим образом. С позиций метафизики тотальности общебытийный смысл антропного принципа состоит в том, что каждый человек, будучи индивидуально неповторимым онтически, скрыто связан с историей и жизнью всего бытия онтологически. Иначе говоря, события бытия отражаются на человеке всегда, если не прямо, то косвенно, если не явно, то скрыто, если не причинно, то кондиционально, *но всегда информационно-энергетическим образом* и в соответствии со строением и динамикой жизни бытия во всей ее полноте. Как отмечалось ранее, многообразие бытия, задаваемое многослойностью его онтологий, каждая из которых связана со своей онтической структурой (генерологией), можно определить как ландшафтность бытия.

Все бытие, как будто бы лишь вмещающая в себя человека, на самом деле неявно присутствует в человеке как целое своими онтологическими уровнями и связанными с ними эволюциями. Поэтому бытие – не только *условие* появления человека, а и *организующий* его фактор, определяющий всю тонкую телесную архитектонику человека, более глубокую, чем та, которую несут яйцеклетка и сперматозоид

при зачатии человека. *Бытие не только породило человека онтико-биологически, а и присутствует в нем своей неисчерпаемой полнотой онтологически.* И от характера этого онтико-онтологического сочетания в человеке и его динамики – сизигии – зависит судьба человека, а также продолжительность и качество его жизни.

В соответствии с принципом сизигии, жизнь человека оптимальна тогда, когда его онтико-онтологическая дуальность гармонична, а его внешние, сознательно осуществляемые в мире онтические действия оптимально соответствуют его скрытым онтологиям на всех возможных уровнях его онтологичности. Данное положение можно назвать *принципом сизигийности человеческого бытия.* Он может рассматриваться как главный жизненный императив человека, в соответствии с которым *истинное бытие человека* – не совокупность его произвольных внешних причинно-следственных взаимодействий с другими людьми и вещами, а *непрерывное стремление к гармонизации его внешних онтических отношений со скрытыми в нем и выходящими за его телесные пределы онтологиями бытия.*

В отличие от внешних действий людей, фиксируемых в их биографиях в виде цепи дат и должностей человека в качестве вех их жизни, истинное бытие человека является постоянным сизигийным процессом оптимизации отношений его внешней онтической и скрытой онтологической жизни. В этом непрерывном поддержании онтико-онтологической гармонизации жизни состоит *сущность истинного человеческого бытия.* При этом ясно, что из-за онтико-онтологической неповторимости любой индивидуальной жизни каждый человек проживает неповторимую жизнь, а *общая сизигийность жизни города, страны, социума, бытия требует для своего обеспечения от каждого субъекта особых сизигийных усилий и действий в разное время на разных онтических и онтологических уровнях.*

В балансировании человека на шкале качества своей индивидуальной жизни можно выделить *две крайние позиции:* успешную в своей оптимальности, которую писатели и философы называют

творческой и плодотворной, и вторую, связываемую со страданием, муками и бессмысленным существованием, вызываемыми разладом внешней онтики человека и его скрытых онтологий. Сизигийная дисгармония может принимать такие резкие формы, что человек становится игрушкой обстоятельств и конформистом, или, в наиболее невыносимых случаях, утрачивает психическую устойчивость вплоть до совершения самоубийства. Лишь корректируя свои действия в направлении непрерывного поддержания оптимального состояния, человек становится хозяином своей жизни как в смысле ее поддержания и продолжительности, так и в смысле ее практической результативности.

Аналогичным образом, но стихийно внутренне гармонизировано все бытие, где *часть, утратившая сизигийность, уходит от одних своих форм бытования и порождает другие, соответствующие ситуации*. Поэтому изменение каких-либо устойчивых параметров (например, значения гравитационной постоянной во Вселенной или генетических кодов биологической жизни) привело бы к иному по виду и структуре бытию или отдельных его форм, вплоть до ситуации, в которой для человека уже не было бы места. Телесное бытие человека подчиняется физическим, химическим, биологическим и социальным влияниям, но также связано и с иной по типу скрытой жизнью *всего бытия*, в том числе на его дофизическом, довещественном уровне, и подвержена его влияниям как целого. Человек чувствителен не только к колебаниям погоды, солнечной активности, а и к бесконечно разнообразным иным процессам бытия как такового. Последние более стабильны из-за своей глубины, но и более масштабны по последствиям происходящих в них событий, и качественно отличаются от правил и условий очевидной для человека жизни, продолжительность которой в масштабах бытия, является мгновением.

В связи с рассмотренными выше вопросами естественной представляется упомянутая выше *проблема возможности жизни после смерти*. Данная проблема всегда была в центре внимания как традиционных, так и нетрадиционных религий, и касается каждого че-

ловека без исключения. С точки зрения сказанного ранее, в решении вопроса о «жизни после смерти» важны, *во-первых*, учет онтико-онтологической дуальности человеческого бытия; *во-вторых*, ответ на вопросы: что такое смерть человека? Можно ли действительно говорить о жизни после смерти как о новом онтико-онтологическом отношении? *В-третьих*, как реализовать такую возможность, если она существует, на практике?

При ответе на эти вопросы важно, прежде всего, учитывать, что жизнь людей как телесных существ, внешним образом взаимодействующих друг с другом по правилам причинности, *не может радикально менять скрытую в них глубинную и качественно иную жизнь бытия* как свое субстанциальное основание. Что же происходит в таком случае в ходе умирания человека и его смерти? Можно ли считать, что его внутренняя субстанциальная жизнь, неся организующий информационно-энергетический отпечаток жизни всего бытия, в случае биологической смерти может продолжать жить в своей же, но уже не телесной, а *информационно-энергетической оболочке*, которая подчиняется качественно иным отношениям, чем телесные? На ведущие позиции, в этом случае, выходят новые, *нетелесные и потому нетленные* возможности. Действительно ли неявное онтологическое существование человека как общебытийного существа может продолжаться и после его биологической смерти, но в качественно ином, скрытом от живущих людей и, в то же время, общебытийном информационно-энергетическом виде?

Можно допустить, что переходя в результате смерти из внешних отношений, в скрытую информационно-энергетическую форму, человек продолжает оставаться в глубоких онтологиях бытия, в которых он неявно присутствовал и при жизни, но которые не проявлялись явным образом в его телесной жизни. В этом смысле человек сохраняет свою *индивидуальную преемственность, свою субъектность*, более того, в посмертной ситуации бывшее неявное в человеке становится явным, но *уже не телесно, а информационно-энергетически*. Физическая смерть устраняет зависимость чело-

века от законов и обстоятельств телесного мира, но может не означать его исчезновения из скрытых онтологий своего бытия, и, в этом случае, человек, как и другие умершие, продолжает быть в них после смерти в общем информационно-энергетическом пространстве, в котором действуют иные способы бытования, напоминающие голографическую оптическую картину, в которой каждая точка голограммы предмета несет информацию обо всем предмете и предмет, таким образом, одновременно присутствует везде.

В подобном информационно-энергетическом случае способна сохраняться не только статичная картина, а и ее движение. Это вносит новый поворот в ситуацию, поскольку, в таком случае, все прошлое человечества и физического мира, вся прежняя явная история мира может неявно сохраняться в информационно-энергетическом виде. Это объясняет, каким образом человек, обладающий аномальными способностями, типа Ванги, может уверенно говорить о событиях не только настоящего, а и прошлого и будущего и видеть происходящее в данный момент событие в движении и развитии, подобно тому, как об этом рассказывают люди, побывавшие в ситуациях «выхода из собственного тела» в ходе операции.

Следует также учитывать не только то, что человек, уходя из осознаваемой жизни «в небытие», т.е. утрачивая свою онтику, не только меняет характер своей онтико-онтологической дуальности, а и *переходит к ее более глубокому и гармоничному уровню* и живет той особой благодатной атмосферой и жизнью, о которой говорят «возвратившиеся оттуда». Но в таком случае нельзя исключать и того, что в дальнейшем из этого онтико-онтологического состояния он может возвращаться в телесную онтологию в качестве новой телесной самореализации. Это порождает новые вопросы, связанные с возможностью или невозможностью повторных рождений человека на земле, хотя и в «откорректированной» текучестью бытия форме. Ведь сами послежизненные онтико-онтологические состояния, в которые может уходить человек после смерти, иерархизированы по уровням и их глубине и «возврат» может, по-видимому, иметь разный «по онтологической глубине» характер – условно го-

вора, как с уровня онтологии солнечной системы, так и с уровня онтологии нашей галактики, и результаты будут разными. Косвенным подтверждением этой возможной онтико-онтологической структурированности бытия, ее иерархизации, можно считать неизвестно как формировавшиеся религиозные представления о разного рода *иерархиях потустороннего мира*, включая и представления об аде и рае. Отдельно возникает вопрос и о возможности повторных рождений «одного и того человека», который себя иногда осознает в качестве прежнего и даже прямо отождествляет себя с ним (этот феномен иногда фиксируется у детей).

Как уже отмечалось, успешное разрешение указанных проблем человека непосредственно связано с адекватностью понимания *сущности бытия* и его онтико-онтологических механизмов, неявно присутствующих и действующих в каждом человеке. А также с пониманием процессов гармонизации *явного и неявного моментов в человеке как фундаментальной задачи оптимизации его индивидуальной жизни*. Человек не владеет всеми формами своего бытия, хотя они присутствует в нем и потенциально несут с собой неограниченные возможности нетелесного плана. Скрытые в нем всей бытийной историей возможности космического, земного физико-химического, биологического, социального и антропологического планов он сегодня не только не умеет должной мерой использовать, но даже не подозревает об их истинных масштабах. Он лишь фиксирует некоторые из них в виде разного рода «аномальных» явлений, а с относительной достоверностью говорит только о физико-химической первооснове жизни. К физико-химической картине неправомерно сводится не только человек, идеальный характер сознания которого объяснить таким образом невозможно, а и все бытие. Индуктивный «взгляд снизу» на бытие не дополняется дедуктивно-синтетическим пониманием бытия «сверху» со стороны философии и метафизики, в том числе и потому, что сами философия и метафизика до последнего времени не способны были обеспечить адекватное понимание бытия.

3. Бытие как метаморфоз

Бытование бытия предстает в форме разного рода метаморфозов и связанных с этим переходных состояний – как тоталогенез. Тема метаморфозов интересовала людей со времен Назона Публия Овидия. Сегодня она перемещается в центр внимания. Говорят о «текущей современности», о «глобальном кризисе»⁶¹, о том, что расширяющийся процесс глобализации *меняет саму модель жизни мирового социума*, ставя под вопрос прежние нормы и правила жизни. Глава Конституционного суда России В.Д Зорькин отмечает, что сегодня скорость глобальных перемен такова, что «правовые системы – и национальные, и международная, – за ними катастрофически не успевают», что результатом такого отставания является не только создание почвы для множества правовых коллизий, но и регулярные ситуации выхода внутрисударственных и мировых процессов за рамки какого-либо правового поля⁶². В этих условиях актуализируется понимание региональных вопросов и глобальных проблем социума как сигналов необходимости внедрения *сизигийного механизма управления* как постоянного процесса усоответствования и гармонизации отношений стран и регионов как на глобальном уровне, так и на уровне их внутренней жизни.

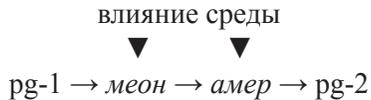
Для решения подобных конкретных задач необходимо понимать сущность метаморфоза в самом общем виде – как метаморфоз любой формы бытия. Любая форма бытия, будучи онтико-онтологической, может быть обозначена как парсически-генерологическое (*pg*) состояние, где *p* – обозначает ее скрытую, онтологическую сторону, а *g*-явную онтическую. Бытийная форма *pg* может не только находиться в оптимальном сизигийном положении или разрушаться из-за ухода от него, но и, меняясь, *испытывать метаморфозы*, сохраняя при этом свою идентичность. Так человек, меняясь физи-

⁶¹ Бауман. З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008 – 240 с.; Е.Гіденс. Нестримний світ: як глобалізація перетворює наше життя. – К.: Альтерпрес, 2004. – 100с.; Зб.Бжезинський. Стратегічне бачення. Америка і криза світової влади. – Львів -2012 – 168с.

⁶² http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150528/273817674.html

чески и духовно, остается на протяжении жизни идентичным себе, общество, проходя в своей истории через существенные трансформации, сохраняется как «то же самое», например, французское, английское или другое. Есть ли в этом процессе закономерность?

Метаморфоз любой целостной формы бытия в общем случае имеет вид:

С этих позиций можно рассматривать любые метаморфозы, а также решать вопрос об условиях оптимизации и недопущения фатальных исходов

Здесь исходное состояние pg-1 может приходиться к такому изменению pg-отношений, когда нарастание онтологической парсики p ведет к разложению генерологических отношений g . Это порождает сизигийную неустойчивость, *pg-неопределенное* и неустойчивое состояние, которое названо *меоническим*. Меон может распадаться, что влечет исчезновение бытийной формы. Но он может под структурированным влиянием парсики внешней ландшафтной среды не только сохраняться, а и переоформляться в соответствии с ландшафтным кодом этого парсического поля среды в новое состояние – *американское*.

Амер выступает как *зародыш* нового состояния pg-2, но будучи еще только его зародышем существует в неустойчивой форме. Американское состояние также может распадаться под влиянием неблагоприятных внешних условий, но если в нем успевают выработаться собственные рефлексивные механизмы самодетерминации, способные усиливать его устойчивость и вести процесс к оптимальной сизигийности, амер перестает критически зависеть от среды и приобретает новую генерологическую форму pg-2. Далее процесс продолжается по той же схеме, но в новых парсически-генерологических качествах как процесс *развития*.

Уяснение механизма метаморфозов бытия важно для управленческой деятельности по отношению к развивающимся процессам

любого типа, в том числе общественным. Управлять ими можно через варьирование парсически-генерологических функций и отношений при переходе от состояния $pg-1$ к меоническому состоянию; через поддержание оптимального отношения внешних и внутренних влияний при переходе от меонического состояния к америческому, и через выстраивание оптимальных рефлексивных pg -отношений при утверждении нового состояния $pg-2$. С этих позиций могут анализироваться и управляться любые переходные процессы и оптимальным сизигийным образом осуществляться весь ход метаморфоза.

В вечно существующем бытии всегда присутствуют «составные части», образующие его *вечное строение*, которое включает в себя:

- парсические влияния разных уровней бытия, несущие *информацию* о строении бытия и играющие организующую роль по отношению к отдельным фрагментам и формам бытия;

- pg -определенные отношения монад и парсов, образующие в своей совместимости конкретно осязаемый в своей монадности и генерологичности *субстрат* бытия;

- меонические состояния pg -неопределенности, в которых преобладает несовместимость (несизигийность) компонентов бывших pg -целостностей и потому имеет место взаимное «отталкивание» и «разбегание» их фрагментов в результате освобожденной *энергии* этих целостностей;

- амерические образования pg -определенности, формирующиеся в ходе парсических организующих влияний среды на меонические состояния, но еще существенно зависящие от устойчивости этих влияний. В этом случае возникает совместимость, гармонизация (взаимоопределяемость, «сближение», «притягивание») между новыми фрагментами, а также между ними и средой, возникает собственный *механизм сизигийной устойчивости*. Это позволяет им приобрести относительную внешнюю свободу и превратиться в полноценную субстратную pg -определенность в среде.

Итог состоит в том, что: сверх вещей, их внешних причинно-генерологических и скрытых парсических отношений как усло-

вий друг друга, а также переходных мезонических и амерических состояий *в мире нет ничего* и, поняв механизм бытия как тоталогене-за, мы потенциально обретаем знание обо всем – знание *истинной модели бытия*.

В этой модели *содержанием* являются: **сизигия** как сущность бытия, обеспечиваемая механизмом причино-кондициональной самодетерминации, а также связанные с ней параметры – **субстрат, энергия, информация** (триада **СЭИ**). Формой бытия является постоянно ваоспроизводящееся *единство его многообразия*, реализуемое в виде *ландшафтности*.

Сизигию как интегральный параметр, сущность бытия, философы и верующие издавна наделяли особыми обозначениями – благо, гармония, любовь, со-возможность, со-причастие, консубстанциальность и др. Внешне сизигийность бытия связана с вполне определенными отношениями указанных универсальных параметров СЭИ и эти отношения могут служить непосредственными индикаторами оптимальной сизигийности или ее нарушений, требующих перестройки бытийных отношений.

Указанные общие закономерности могут применяться при рассмотрении любых бытийных форм, в том числе к формам социальной жизни. Таким как человек, город, регион, страна, ассоциации стран, поскольку они имеют двойственный онтико-онтологический характер, где за калейдоскопом каждого онтического многообразия всегда скрывается субстанциальное для него онтологическое основание. В результате этого любой социальный субъект онтически пребывает в общем социальном бытии-онтологии как одна из его бесконечно разнообразных временных форм, а бытие онтологически скрыто присутствует в любом социальном субъекте своими большими возможностями, о глубинной части которых тот или иной социальный субъект часто не ведает и потому в конкретных ситуациях может вести себя неадекватно, остается загадкой для себя самого.

Онтико-онтологическая дуальность регулируется сизигийным механизмом, являющимся сущностью бытия и определяющим все

остальные его особенности. Благодаря ему бытие проявляет себя одновременно как разноуровневые *онтические многообразия и онтологические единства*, что задает общий метаморфический характер онтико-онтологических отношений бытия.

Упуская органическую связь онтики и онтологии, человек часто рассматривает их во взаимной изоляции, игнорирует свои скрытые онтологические возможности и не умеет их сознательно и целенаправленно использовать, не подозревает об истинной глубине того, что сам называет своими «сущностными силами». Разного рода эзотерические представления, рассуждения об экстрасенсорных способностях человека и аномальных психических феноменах типа выхода человека из тела носят характер «чудес» и находятся на периферии жизни человека и социума. Чаще человек опирается на свои далеко не полные представления о силах природы, о космосе, о происхождении Земли и эволюции жизни на ней, и лишь смутно предполагает уходящую в бесконечность бытия скрытую онтологическую первооснову своего собственного тела и связанные с этим личные возможности. Даже в гипотетических предположениях о роли природных процессов в человеке, типа антропного принципа Зельманова-Картера, истинная полнота бытия не ухватывается, поскольку подобные предположения ограничены скудными и отрывочными представлениями о природе, которые имеются к сегодняшнему дню у науки. Ситуация усугубляется также тем, что наука в ее прежнем виде все больше исчерпывает себя. Ее предметная раздробленность упускает целостность мира. На этом фоне эпизодические добавления к уже известным, физико-химическим, биологическим и иным земным предпосылкам новых естественнонаучных фактов, типа недавно обнаруженных гравитационных волн, рассматриваются как большое достижение, хотя к тому, что касается человека, добавляют очень мало нового. Эмпиризм современных научных знаний, редуцируя человека к его физико-химической и биологической природе, и игнорируя целостность бытия, делает невозможным глубинное познание его сущности.

Выход из этого тупика состоит в том, чтобы естественнонаучный онтический взгляд на бытие «снизу» дополнить онтологическим взглядом на него «сверху», – со стороны философии и метафизики, которые всегда стремились не только учитывать научный прогресс, а и преодолевать его эмпирическую ограниченность, непонимание или игнорирование того, что следует из принципа онтико-онтологической дуальности, что: *во-первых*: любые онтологии бытия существуют через свои *онтические* проявления; *во-вторых*, что еще более важно, – жизнь человека – это не только последовательность его внешних причинно-следственных взаимодействий с другими людьми и вещами, а и их непрерывное соотношение со скрытыми в этом процессе и выходящими за его пределы *онтологиями бытия*.

Понимание самой динамики и характера жизни человека становится возможным только на основе непрерывного выбора такого онтико-онтологического отношения человека со средой, которое имеет для его жизни оптимальный характер. Указанный выбор может осуществляться в форме постоянного смещения онтико-онтологического отношения жизненной ситуации *в направлении минимальных энергетических расходов на ее поддержание*. Человек, в этом случае, предстает не только как онтическая индивидуальность, проявляющая себя во внешних формах, а и как несущая в себе возможность использовать разные онтологии бытия и выбирать наиболее эффективные в каждом конкретном случае. Из сказанного следует также, что без онтологического взгляда невозможен и полноценный онтический, поскольку онтическая индивидуальность человека могла появиться и существовать только на основе появления соответствующих ей онтологий.

В общем случае, необходимость максимально полного учета человеком информации о своей онтико-онтологической природе и ее динамике важна потому, что только в этом случае он перестанет быть игрушкой скрытых обстоятельств, становится истинным субъектом своей жизни, а также открывает свои не только «лежащие на поверхности», а и скрытые перспективы.

Среди последних могут быть и те, которые касаются его послежизненных возможностей. Сегодня, если не считать религиозной веры в бессмертие, в сознании обычного человека его жизнь вместе со смертью обрывается абсолютно. С новых позиций вполне может оказаться, что после исчерпания возможностей его старой формы жизни человека может ожидать новая форма бессмертия, а в конечном итоге он может претендовать на статус бессмертного субъекта бытия. Ведь возможно, что когда человек уходит из своей осознаваемой жизни в небытие, он на самом деле просто меняет характер своей онтико-онтологической дуальности, переходит из более явного ее уровня к более глубокому, уходя в небытие, на самом деле возвращается к полноте бытия и обретая вместе с этим новые возможности последующих новых рождений.

Эта гипотеза порождает свои вопросы. Например, что означает слияние человека с бытием для него как бывшей частичной формы бытия и может ли он осознавать свое прежнее состояние или, с другой стороны, возрождаться из онтологии бытия в виде новых онтических форм, осознавая это, или же возвратиться в свою первую форму и т.п., и можно ли весь этот процесс новых рождений каким-то образом регулировать, а если можно, то как именно? Возникают и другие вопросы подобного плана: что такое, на самом деле, есть смерть человека, можно ли действительно говорить о жизни после смерти как о новом онтико-онтологическом отношении, и, возможно даже о разных формах этой жизни, если учесть, что история человечества, начиная с первобытных времен, всегда несла в себе представления о подобных сверхъестественных возможностях, – по крайней мере с того момента, когда первобытный человек не только осознал отличие умершего человека от живущего, а и стал погребать умерших?

Чтобы не только ставить подобные вопросы, а и разрешать их, необходимо иметь адекватные представления о сущности не только человека, а и бытия. В этом случае традиционных наук недостаточно. Недостаточен и возврат к разнообразным философиям, несущим не столько реальное знание о бытии, сколько субъектив-

ные представления авторов о нем. Необходима *метафизика*, претендующая на синтез материала, наработанного всеми философами. Такая метафизика должна разрешить противоречивую ситуацию единства многообразия как философий, так и самого бытия, тщетные попытки понять которое и привели к философскому многообразию.

Истинное бытие есть испытывающее изменения и метаморфозы единство многообразия его форм, которое представляет собой *тотальность*. Человек соотносится с бытием не только внешне, а и всем своим существом, пребывает в бытии в той же мере, в какой бытие пребывает в нем во всех их изменениях, и если не актуально, то в скрытом виде никогда не исчезает в своем бытии, поскольку бытие постоянно меняясь и развертываясь в себе, не исчезает, а *сохраняет себя как единство многообразия*. В таком случае оно может изучаться на основе понятий и принципов метафизики тотальности и следующих из нее выводов.

Бытие для человека не является кантовской «вещью в себе». В отличие от «вещей в себе», «бытие в себе», хотя также чувственно невоспринимаемо человеком, может быть понято из *сверхиндивидуального* исторического опыта человечества. Данный опыт на протяжении тысячелетий отсеивал субъективные моменты и позволял неуклонно приближаться к пониманию объективной картины бытия. Сегодня можно говорить о бытии как о тотальности и изучать бытие по этой модели, одновременно совершенствуя саму модель на основе оптимизации взаимного пребывания человека в бытии и бытия в человеке. На этом пути человек должен стать тотальным человеком.

4. Как из онтологического поля бытия происходят онтические бытийные формы?

В отличие от онтических форм бытия, которые представляют собой локальные формы в виде элементарных частиц, иных микро- (атомы, молекулы), и макро- (формы разных веществ, планет, звезд, галактик, их скоплений и др.) образований, онтологии не локализованы в пространстве, существуют в форме разного рода полей,

соответствующих связанным с ними и порождаемых ими онтическим формам.

Разным уровням онтико-онтологической ландшафтности бытия соответствуют свои полевые онтологии и порождаемые ими и соответствующие им онтические формы. Но если рассматривать бытие во всем его единстве многообразия, то ему следует сопоставлять некоторое предельное онтологическое поле бытия, являющееся единым и непрерывным, обладающее субстанциальным, т.е. порождающим свойством по отношению к локализованным формам бытия – от квантов света, элементарных частиц, химических элементов, до разнообразных веществ, звездных систем, галактик, планет и биологической и социальной жизни на них.

Возникает, однако, вопрос относительно *исходного субстанциального онтологического поля*, из которого *все* происходит, причем этот порождающий процесс идет постоянно, поскольку космос меняется во времени. Как из этого исходного сплошного субстанциального онтологического поля бытия могли появиться нарушающие эту сплошность и субстанциальность дискретные образования в виде частиц, звезд, планет и прочих самостоятельных образований. Ведь поскольку в исходном субстанциальном онтологическом поле нет пустот, оно должно было быть неподвижным и в нем было невозможно движение.

Подсказку в связи с этим вопросом можно найти у Р.Декарта. Конечно, у него речь не идет об онтике и онтологии; в соответствии со своим временем он рассуждает с механистических позиций, упоминает и бога. Но вывод, предложенный им (вихревая идея), может быть использован для рассмотрения нашего вопроса. В своем «Трактате о свете» Декарт пишет о мире, в котором «совсем нет пустоты» и потому в нем «невозможно, чтобы все частицы материи двигались прямолинейно». Но движение возможно, если оно идет по кругу. Причем не обязательно, чтобы это круговое движение захватывало весь мир. Оно может иметь и локальный характер. Поэтому частицы материи *«должны согласоваться все вместе в несколько круговых движений»*. При этом «мы не должны думать,

что все они согласовались во вращении вокруг одного единственного центра. Они стали вращаться вокруг нескольких и, как можно думать, различно расположенных по отношению друг к другу центров»⁶³.

Данные слова в контексте интересующего нас вопроса можно интерпретировать так: хотя в бытии «без пустот» прямолинейное движение невозможно, и в нем не могут образовываться *отдельные формы бытия*, но это становится возможным, если движения имеют *круговой характер*, и каждая форма бытия представляет собой выделяющийся из общего бытийного фона *специфический круговой вихрь*. Эта теория вихревого происхождения форм бытия из исходного онтологического поля бытия разрешает проблему порождения онтико-онтологических форм бытия, причем разного характера. Данные формы далее могут взаимодействовать и участвовать в других онтико-онтологических процессах. При этом в каждом случае имеют место органические сочетания онтик со своими онтологическими полями. Отсюда становится понятным всегда присутствующее разнообразие не только онтических форм, а и связанных с ними *онтологических полей*.

Подводя итог общей картине бытия, можно сказать, что на «вихревой» и, одновременно, на ландшафтной иерархической основе устроен онтико-онтологический мир бытия, начиная с метagalacticких относительно стабильных процессов, и кончая вращениями звезд, планет и спином элементарных частиц (от англ. *spin* – вращение, вращать(-ся)). Как было отмечено раньше, фундаментальными параметрами бытия является триада СЭИ (субстрат, энергия, информация), сущностью бытия является *сизигийный* механизм непрерывной самогармонизации бытия, отделяющий устойчивые формы бытия от его нестабильных состояний.

Общей формой бытования бытия является постоянно воспроизводящееся единство многообразия форм его существования в виде *общебытийной тотальности* и ее *онтико-онтологической ландшафтности*. При этом бытие не остается неизменным в ходе

⁶³ Р.Декарт. Избранные произведения. – Госполитиздат, 1950 – с.206.

тоталогенеза. Оно испытывает преобразования в виде трансформаций своих форм по схеме $pg-1 \rightarrow \text{меон} \rightarrow \text{амер} \rightarrow pg-2$. При этом, на ход их меонической и амерической стадий, как отмечалось ранее, существенно влияют корректирующие воздействия со стороны среды.

5. Особенности некоторых полей бытия

Из сказанного выше следует, что бытие, в котором пребывает человек и которое пребывает в человеке, реализует свое влияние на человека не только онтически – внешними природными катаклизмами, катастрофами и благотворными условиями для жизни человека. Оно постоянно влияет также и онтологически – невидимым и неосязаемым человеком способом – своими *онтологическими полями*. Поэтому изучение этих полей было и сегодня является жизненно важным делом.

Любые поля являются онтологическими в том смысле, что влияют на бытийные формы не через внешние *причинные* действия (даже тогда, когда результатом их влияния на вещь является внешнее движение этой вещи), а через тотальное их кондициональное влияние *на все содержание вещи*. Развитие представлений о полях имеет богатую и сложную историю. Поля бытия следует отличать от древних представлений об упорядочивающих мироздание силах гармонии, типа логоса, анаксагоровского «нуса» и разного рода эманаций, которые наделяют указанные силы самостоятельным бытием и демиургической сущностью. В силу наделения их абсолютной самостоятельностью и отрыва от сущего они не могут считаться полями в приведенном выше онтологическом смысле. По этой же причине не являются реальными полями и приближенные к конкретным природным и социальным ситуациям, но искусственно конструировавшиеся в средние века «сущности без необходимости» типа «звукорода», «теплорода» или «плавательной силы» плавающих тел. Ближе к сути дела практические понятия степи, дикого поля и поля как пашни у кочевников и земледельцев, существую-

щие с незапамятных времен. Но они имеют частный эмпирический характер.

Истинное приближение к пониманию сущности полей бытия было обусловлено развитием наук, как естественных, так и гуманитарных. Рассмотрим некоторые из таких полей, уже получивших признание.

Физические поля. Первоначально реально работающий и сознательно введенный принцип поля присутствовал в физике (прежде всего ньютоновское поле тяготения, представление о котором устояло, несмотря на ожесточенную его критику как очередного проявления дискредитировавшей себя «физики качеств»). Сущность полевого представления состояла в утверждении, что *потенциал каждой точки поля есть функция положения этой точки в поле как целом*. Поле здесь понимается как непрерывная, хотя и допускающая возможность квантования среда. Известен ряд многочисленных физических полей, введение каждого из которых требовало значительных теоретических и экспериментальных усилий (гравитационное, электрическое, магнитное, ряд полей, обеспечивающих взаимодействия частиц в микрофизических процессах и др.). В связи с развитием данных представлений обозначились специфические характеристики полей, например такие как потенциал, напряженность, непрерывность, сила тяжести, ускорение свободного падения, квантованность, градиент, излучение, поляризуемость, тепло- или электропроводность и др.

Географические поля. Введение понятия географического поля (Изард, В.А.Червяков – в географии, Н.Н.Боровко – в геологии, А.А.Уранов – в геоботанике и др.) связано с тем, что дискретность и континуальность в равной мере свойственны объектам географии. Даже в тех случаях, когда макрообъекты (растения, животные, человек) отделены от окружающего пространства четкой границей, они могут формировать рассеянные множества с любыми величинами и градиентами плотности. С другой стороны, всегда оказывается возможным дискретизация непрерывных географических объектов. Но попытки проведения учета количества взаи-

модействий между такими участками территории с ростом числа ячеек очень быстро увеличивается и охарактеризовать таким образом значимое разнообразие географических условий очень трудно. Поэтому и используется понятие поля.

Как пишет А.Д.Арманд, «представления о географических полях находят применение в анализе окружающей действительности, когда системный подход оказывается мало эффективным. Методы теории поля используются, в частности, при исследовании рассеянных по территории ресурсов, передвижении населения и, по-видимому, могут использоваться еще шире»⁶⁴. Понятие географических полей несет на себе сильное влияние представлений о физических полях, начиная с использования терминологии («потенциал», «напряженность», «градиент», «скалярное» или «векторное» поле и др.) и кончая постановкой и решением задач, прежде всего как выяснение зависимости «сил», влияющих на объекты ландшафтной оболочки в зависимости от того или иного параметра. Например, градиенты давлений атмосферы, температур, плотности растительного и животного населения, людей создают силовые поля, которые могут проявляться в потоках, выравнивающих эти градиенты. Силовые поля в географии сходны в том, что их потенциал убывает с расстоянием. При этом «сила» проявляется по воздействию одного объекта на другой. Например «сила» биохимического воздействия растения сказывается в степени ингибирования роста соседних растений или отпугивания насекомых-вредителей. Проявления силовых географических полей различаются в зависимости от того, действуют ли они на подвижные объекты (массы воздуха, животных, людей, семена растений) или на «прикрепленные» (растения, постройки, города).

Биологические поля. Принцип поля из физики был перенесен в эмбриологию Г.Дришем и позже Гертвигом без упоминания самого термина «поле»⁶⁵ Собственно о биологическом поле начал го-

⁶⁴ Арманд А.Д. Самоорганизация и саморегулирование географических систем. - М.: Наука, 1988. - 264с.- с.99.

⁶⁵ См. Канаев И.И. Очерки из истории проблемы морфологического типа от Дарвина до наших дней. - М.-Л.: Наука, 1966. - 211с. – с.190.

ворить в начале XX в. А.Г. Гурвич. После него, и частично одновременно с ним, понятие биологического поля стали использовать западные ученые П.Вейс, Де Бер, Д.Гексли, Уодингтон, Чайлд, Крегер и другие. Оно приобрело широкое признание в работах биологов. Предпосылкой к введению понятия биологического поля в работах А.Г.Гурвича было возникшее у ботаников в конце XIX в. стойкое убеждение, что судьба клетки или клеточного комплекса в значительной мере определяется их положением в организме. После известных экспериментов Дриша это представление приобрело общебиологическую значимость и с тех пор не раз было подтверждено опытами по пересадкам, поворотам, разрезаниям и сращиваниям зачатков. Развивая идею биологического поля, и используя положение Г.Дриша о том, что *судьба части зародыша есть функция его положения в целом*, Гурвич разработал и обобщил его до теории *морфогенетического поля*.

Излагая основное содержание выводов Дриша, А.Г.Гурвич пишет: «Некоторые параметры, определяющие процессы в элементах, могут быть выражены лишь при допущении факторов, относящихся *исключительно* к целому (возможно, только лишь формирующемуся). Они (параметры) заключают в себе определенные константы, которые имеют смысл только в связи с целым и, если можно так сказать, не могут быть выражены на языке элементов»⁶⁶. Далее, развивая эту мысль, Гурвич стремится обобщить ее. Он отмечает, что «побуждаемый блестящей работой Дриша», он рассматривает целостность как специфическую реальность, свойства и проявления которой следует изучать, «как свойства и проявления любого объекта»⁶⁷. Опираясь на эксперименты, в которых после полного разрушения пространственной организации вещества в яйцах лягушки и тритона при центрифугировании, тем не менее, процесс

⁶⁶ Цит. по: Белоусов Л.В. Истоки, развитие и перспективы теории биологического поля. - В: Физические и химические основы жизненных явлений (Исторические очерки) - М., Изд-во АН СССР, 1963,- 59-117с. – с.62.

⁶⁷ Белоусов Л.В. Истоки, развитие и перспективы теории биологического поля. - В: Физические и химические основы жизненных явлений (Исторические очерки) - М., Изд-во АН СССР, 1963,- 59-117с. – с.63.

возрождался, он делает вывод, что «исходная пространственная организация различных составляющих, другими словами, протоплазменные структуры могут быть совершенно разрушены, без каких-либо необратимых последствий. Существует еще нечто другое, то, что не разрушается таким губительным вмешательством и что тем или иным способом исправляет повреждения и направляет в меру возможного дальнейшее развитие яйца»⁶⁸.

Следует, однако, отметить, что утверждение связи поля только с целым является своеобразной холистической крайностью, поскольку целое и его поле по отношению к части в этом случае выступают как внешние силы и приобретают телеологическую окраску. Ради исторической справедливости следует, в частности, отметить, что вначале Гурвич также был склонен рассматривать биологическое поле по типу внешней силы и лишь позже, в ходе развития представлений о *клеточном поле* в результате целого ряда целенаправленно проведенных экспериментов он стал утверждать неразрывность поля с биологическими процессами. Он так характеризовал этот гносеологический поворот: «наша концепция эмбриональных полей, которой мы руководствовались в течение ряда лет и которая исходила из представления о неделимом целом, наложенном на элементы, отброшена. Но она возрождается в более конкретном и простом представлении о *синтезированном поле целого*»⁶⁹.

Ряд дополнительных характеристик поля на примере тех же биологических объектов, но уже не только клеточного, а и надклеточного уровня обнаруживается в связи с развитием *физики живого* – выросшего из традиционной биофизики нового направления исследования, начало которому положили работы ряда исследователей в 70-80-е годы XX ст. Обзор работ по данной тематике дан в статье И.С.Добронравовой и С.П.Ситько⁷⁰. Доводом в пользу реальности

⁶⁸ Гурвич А.Г. Избранные труды. - М., Медицина, 1977, - 351с.- с.233, (*курсив - К.В.*).

⁶⁹ Там же, с.235.

⁷⁰ Добронравова И.С., Ситько С.П. Физика живого как феномен постнеклассической науки. - В сб. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. - М., 1994.- 187-206с.

биологического поля в физике живого стало, прежде всего, обнаружение Е.А.Андреевым, М.У.Белым и С.П.Ситько *собственных характеристических частот* человеческого организма как целого (в мм-диапазоне электромагнитного излучения). Это при том, что согласно традиционной квантовой механике в таком огромном скопище атомов и молекул, каким является организм, указанных характеристических частот в принципе не должно быть.

Инициирование открытия было вызвано работой врачей И.С Черкасова и С.В.Недзвецкого по лечению повреждения биологических тканей с помощью электромагнитного излучения (ЭМИ). Они обнаружили «побочное» эффективное лечебное действие некоторых областей частот ЭМИ мм-диапазона. При этом, что в контексте обсуждаемой темы особенно интересно и важно, под воздействием ЭМИ на глаз или затылочную область головы вылечивались органы, находящиеся *на значительном расстоянии от точки воздействия*, например язва желудка. Позже стало ясно, что это не случайность. «Во многих случаях, – пишут Добронравова и Ситько, – речь идет о расстояниях, измеряемых десятками и сотнями сантиметров, а, как известно, в 1 мм. водного раствора интенсивность мм-излучения ослабевает почти в 1000 раз(!)»⁷¹. В этих случаях отчетливо проявляется факт наличия как внешнего поля организма, так и внутренних его полей.

Историческое поле. Анализируя представления о поле, нельзя не упомянуть о позициях О.Шпенглера и Л.Н.Гумилева как о свидетельстве универсального характера идеи поля, поскольку в этом случае речь идет не только о природных, а и о культурно-исторических и этнических процессах. О.Шпенглер не употребляет термина «поле». Но ему принадлежит ряд высказываний, опирающихся на идею зависимости исторических событий от их исторического места, что позволяет говорить о присутствии в его работах идеи продолжающегося во времени *исторического поля*. Шпенглер говорит о единстве истории, о том, что «ни один фрагмент истории не может быть действительно освещен, пока не будет выясне-

⁷¹ Там же, с.194, 196.

на тайна всемирной истории вообще»⁷². Этой тайной является феномен всемирного единства, специфика которого, и об этом Шпенглер ярко пишет, в том, что благодаря его воздействию оказываются каким-то образом согласованными и соответствующими друг другу явления совершенно разных областей человеческой жизни, обладающие казалось бы совершенно самостоятельной жизнью. Он говорит о наличии так называемых «мощных групп морфологического сродства» – отношений, «которые связывают формы изобразительных искусств с формами войны и государственного управления, глубокое сродство между политическими и математическими структурами одной и той же культуры, между религиозными и техническими воззрениями, между математикой, музыкой и пластикой, между хозяйственными и познавательными формами»⁷³. И дальше: «Глубоко внутренняя зависимость новейших физических и химических теорий от мифологических представлений наших германских предков, полная конгруэнтность стиля трагедии, динамической техники и современного денежного оборота, тот поначалу странный, а потом самоочевидный факт, что перспектива масляной живописи, книгопечатание, система кредита, дальнобойное орудие, контрапунктическая музыка, с одной стороны, обнаженная статуя, полис, изобретенная греками монета – с другой»⁷⁴.

В работе Шпенглера высказаны и предположения об исходном источнике исторического поля. Все эти группы сродства, по Шпенглеру, есть «идентичные выражения одного и того же душевного принципа» (там же). Каждая из этих групп «символически изображает особый тип человека в общей картине всемирной истории, имеют строго симметричное строение. Эта перспектива и обнажает впервые подлинный стиль истории»(там же). Таким образом, объединяющим фактором истории при всем разнообразии ее проявле-

⁷² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1.Гештальт и действительность. /Пер.с нем К.А.Свасьяна. - М.: Мысль, 1993. - 663с. - с.183.

⁷³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1.Гештальт и действительность. /Пер.с нем К.А.Свасьяна. - М.: Мысль, 1993. - 663с. - с.184.

⁷⁴ Там же

ний является, по Шпенглеру, человеческий тип как органическое единство с «вполне правильной структурой»⁷⁵. Иначе говоря тайна единства и многообразия истории проистекает, как можно понять Шпенглера, из единства и многообразия человека.

Этническое поле. Л.Н.Гумилев ввел в научный оборот понятие *этнического поля*. Необходимость его он обосновывал тем, что используемые в этнографии видимые индикаторы (язык, раса, способы ведения хозяйства, религия, уровень и характер техники) не позволяют «заполнить пропасть» между этносами и суперэтносами. С этим и помогает справиться понятие поля. Имея в виду понятие поля, он отмечает: анализ вопроса с исторической точки зрения показывает, что «то, что считалось абстракцией, существует, и оно весомо и действенно». Он разъясняет: «такие термины, как «эллинская культура», «мусульманский мир», «европейская цивилизация», «срединная империя» (Китай – этнически крайне мозаичная страна) или «кочевая евразийская культура» (тюрки и монголы) – «не просто слова, а обозначения технически овеществленных и социально оформленных совокупностей этнических целостностей, стоящих на порядок выше тех, которые доступны этнографам – наблюдателям»⁷⁶. В связи со сказанным он и вводит понятие «этническое поле», подобное электромагнитному, гравитационному и другим полям, «но вместе с тем отличающееся от них»⁷⁷. Факт существования этнического поля проявляется, по Гумилеву, «не в индивидуальных реакциях отдельных людей, а в коллективной психологии, воздействующей на персоны»⁷⁸. Далее он указывает на другие особенности поля: «имеет место координированное действие многочисленных элементов целого, т.е. проявляется принцип поля» (там же). «Из факта целостности групп и из их единства, выражающегося в единстве их строения и поведения в эволюционном про-

⁷⁵ Там же

⁷⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1989. – с.289.

⁷⁷ Там же, с.291.

⁷⁸ Там же

цессе, мы можем заключить, что *существуют поля, регулирующие и координирующие этот процесс*»⁷⁹. Гумилев фиксирует внимание не столько на статике целого, сколько на его динамике и здесь главным показателем поля для него является наличие совместных действий (мысль, близкая представлению о когерентности процессов как показателе поля в современной физике живого). «Наиболее отчетливо на индивидуальное поведение проявляется в коллективных действиях общественных животных», – пишет он⁸⁰. В качестве важных предпосылок этих действий он рассматривает цели и планы действий в обществе. Этническое поле Гумилев связывает также с внутрэнной этнической близостью людей, связанной с определенной ритмикой жизни, отличной от ритмики других этнических групп, что служит фактором их несовместимости (данным фактором является простой принцип: «мы» – «не мы»).

Он отмечает, что концепция этнического поля «решает наиболее сложные проблемы». В частности, по его мнению, благодаря наличию этнического поля «не рассыпаются на части этносы, разорванные исторической судьбой и подвергшиеся воздействию разных культур. Они даже могут регенерировать, если устранить причины, нарушившие первоначально заданный ритм этнического поля». С этим Гумилев связывает, в частности, феномен ностальгии. «Человек, заброшенный в среду чужих, пусть даже симпатичных людей, ощущает странную неловкость и тоску. Но эти чувства ослабевают, когда он находит соплеменников, и исчезают при возвращении домой. При этом не имеют значения ни климатические условия, ни наличие комфорта»⁸¹. В основе этнической общности лежит, по Гумилеву, биофизическое явление, поэтому считать этнос производным от социальных, экологических, лингвистических, идеологических и т.п. факторов «нелепо».

Гумилев даже высказывает мысль о *формировании* этнического поля: «Этническое поле, т.е. феномен этноса как таковой, не

⁷⁹ Там же (*выделено мной - К.В.*)

⁸⁰ Там же, с.292.

⁸¹ Там же, с.294-295

сосредоточивается в телах матери и ребенка, а проявляется между ними. Ребенок, установивший связь с матерью первым криком и первым глотком молока, входит в ее этническое поле. Пребывание в нем формирует его собственное этническое поле, которое потом лишь модифицируется вследствие общения с отцом, родными, другими детьми и всем народом. Но поле в начале жизни слабо, и если ребенка поместить в иную этническую среду, перестроится именно оно, а не темперамент, способности и возможности. Это будет воспринято как смена этнической принадлежности, в детстве происходящая относительно безболезненно»⁸².

Социокультурное поле. Социокультурное поле рассматривается в постструктурализме как анонимное поле дискурсов – речевых общений, практик, где не только формируются и развертываются межсубъектные связи сторон, точек зрения, позиций, а и трансформируются и стираются грани между ними, не всегда соблюдается порядок и целенаправленность поведения участников дискурсов, отрицается унификация и приоритетность или особый статус каких-либо положений – и все это влияет на развитие представлений участников о тех или иных объектах. При этом сфера высказываний, дискурсия включает не только явную информацию, а и невысказанное, неизреченное, но значимое в своем умолчании. В социокультурном поле индивид усваивает дух культуры, ее смыслы, ценности, нормы и аномалии, правила и исключения, выступая одновременно как источник поля и как объект его влияния. Частным случаем социокультурного поля является *поле властных отношений*. М.Фуко рассматривает его как разновидность общественно-го взаимодействия, влияние не только государственных и иных институтов, а и более глубокие воздействия-микровлияния на душу человека, пронизывающие все другие социокультурные отношения (экономика, медицина, система контроля и др.). Поэтому поле власти действует всегда и везде, на всех уровнях общественной жизни, а индивиды одновременно являются носителями и объектами власти.

⁸² Там же, с.295.

Поле языка. В лингвистике под полем понимается совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений⁸³. Говорят о семантических, морфосемантических, ассоциативных, грамматических, синтагматических полях. Так для семантического поля постулируется наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением (архилексемой). Например, признак «перемещение в пространстве» в семантическом поле глаголов движения: «идти», «бежать», «ехать», «плыть», «летать» и т.п. Говорят также о признаках частных (дифференциальных), по которым единицы поля отличаются друг от друга, например «скорость», «способ», «среда» передвижения. Имеет место внутренняя иерархическая взаимосвязь семантических полей в лексике. Об этом свидетельствует то, что интегральные семантические признаки в определенных условиях могут выступать как дифференциальные. Так признак «отношение родства», объединяющий термины родства «отец», «мать», «сын», «дочь» и т.п., становится дифференциальным при подходе к семантическому полю, включающему обозначения и других отношений между людьми: «коллега», «попутчик», «однокашник», «начальник» и т.п. Кроме того, о взаимосвязи семантических полей в пределах всего словаря свидетельствует также принадлежность многозначного слова к различным семантическим полям.

В качестве других общих характеристик семантических полей выделяются: *связь слов или отдельных значений, системный характер этих связей, взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц, относительная автономность поля, непрерывность смыслового пространства, обозримость и психологическая реальность для среднего носителя языка.* О реальности семантических и иных лингвистических полей свидетельствует, помимо про-

⁸³ Лингвистический энциклопедический словарь. - М., Советская энциклопедия, 1990 - с.380-381.

чего, также то, что для исследования их структуры разработаны соответствующие методы – компонентного анализа, оппозиций, графов, комбинаторные методы и др.

Психологическое поле. Понятие психологического поля по сути присутствует в гештальтпсихологии (первая половина XX в.) в самом понятии гештальта для обозначения перцептивной структуры – того, что воспринимается как непосредственно данное сознанием, как особое «качество формы» (Г.фон Эренфельс), привносимое сознанием в восприятие элементов сложного образа. Поле здесь понимается как то, что обеспечивает сверхсуммативное качество образа, его внутреннюю связность, как например в классическом стробоскопическом эффекте М.Вертхеймера. Гештальт есть организованное целое, свойства которого не могут быть получены из свойств его частей. М.Вертхеймер отмечал, что «имеются целостности, чье поведение не детерминируется поведением индивидуальных элементов, из которых они состоят, но где сами частные процессы детерминируются внутренней природой целого»⁸⁴.

«Понятие *гештальта*, *гештальт-качества*, – пишет О.Г.Бахтияров, – было введено Х. фон Эренфельсом вместе с описанием феномена *транспозиции* на примере узнавания слушателем мелодии при переводе (*транспозиции*) ее в разные тональности. По мысли Эренфельса, помимо элементов, составляющих мелодию, в нее привносится некоторый дополнительный элемент, новое качество, *качество формы* – гештальт-качество. Именно гештальт-качество делает мелодию целостным образованием, *этой* мелодией, сохраняющей свой *этомь* при транспозиции на другие элементы. При этом восприятие отдельных элементов мелодии определяется гештальт-качеством. Транспозиции легко обнаруживаются и в зрительном восприятии. Геометрическая фигура, круг или треугольник, воспринимаются как таковые независимо от толщины, цвета или фактуры составляющих их линий. В этом случае мы можем ска-

⁸⁴ Цит. по: Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. Издание 2-е. - М.: Изд-во политической литературы, 1974.- 447с. – с.208.

зать, что фигура транспонируется на иные цветовые, фактурные и др. среды.»⁸⁵. Способность формирования человеком гештальт-качества можно рассматривать как выявление реально и объективно существующего психологического поля. Оно действует по-разному в различных ситуациях (восприятие мелодии по первым тактам, выполненных в разной манере геометрических фигур и т.п.), но во всех этих случаях *имеет место*.

Еще одно его проявление – выделение образа из однородной среды. «С понятием гештальта тесно связано различение *фигуры* и *фона*. Гештальт дан в восприятии как определенная фигура, замкнутое единство, как бы выступающее вперед по сравнению с неструктурированным фоном. Помимо спонтанного выделения фигуры из фона возможно и целенаправленное формирование фигуры вопреки действующим в пределах зрительного поля силам. В случае однородно структурированного фона наблюдается процесс спонтанного образования различных фигур... Фигура и фон взаимозависимы и влияют друг на друга, что можно наблюдать на примере различных оптических иллюзий»⁸⁶. На основе подобных психологических феноменов Бахтияровым предложен проект описания целостностей как важный момент разрабатываемой им психонетики – области постинформационных технологий.

Значительную роль понятие поля играло у немецкого и американского психолога Курта Левина. В отличие от поля гештальтпсихологов, связывавшегося прежде всего с образом, Левин рассматривал поле как структуру, в которой совершается *поведение* человека. Это «динамическое целое», представляющее собой взаимоотношение между субъектом и его непосредственным окружением, охватывающее в нераздельности мотивационные устремления индивида и существующие вне индивида объекты его устремлений. Поведение индивида является внешним выражением событий, происходящих в его психологическом поле, рассматривается как функция

⁸⁵ Бахтияров О.Г. Постинформационные технологии: введение в психонетику. - К.:ЭКСПИР, 1997. - 160с.- с.48.

⁸⁶ Там же, с.48-49.

личности и среды, так что эмпирические его особенности не объяснимы ни из личности самой по себе, ни из среды как таковой.

«Психолог должен отказаться от того, чтобы представлять объекты исходя из категории «вещи», и перейти к мышлению «отношениями». Понятие «единое поле», «жизненное пространство», по плану Левина, и должно было утвердить новый «релятивный» способ описания реального поведения»⁸⁷. События, происходящие в психологическом поле, представляют собой либо перемещения из одной области поля в другую, либо изменение самой структуры поля (его топологии). Таким образом, Левин и его школа, рассматривая источник психологических сил и мотивационных изменений исходя из динамики полевого целого, существенно способствовали развитию полевой парадигмы в психологии и приданию ей официального статуса.

Л. В. Теліженко

ФІЛОСОФСЬКО – АНТРОПОЛОГІЧНЕ ОСМИСЛЕННЯ МЕЖОВИХ ЗАСАД ПРАВА: ТОТАЛОГІЧНИЙ КОНТЕКСТ

Доводиться, що постнекласичне розуміння цілісності людини має визначати межову, позаюрідичну основу сучасного права. Обґрунтовується перспективність використання для цього тоталогічного підходу, який розвиває уявлення про людину як онтико-онтологічну цілісність та на цій основі формує метаантропологічну модель людини.

Ключові слова: *людина, цілісність, право, постнекласика, тоталогія, онтико-онтологічна цілісність.*

⁸⁷ *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. Издание 2-е. - М.: Изд-во политической литературы, 1974.- 447с. - с.259-260